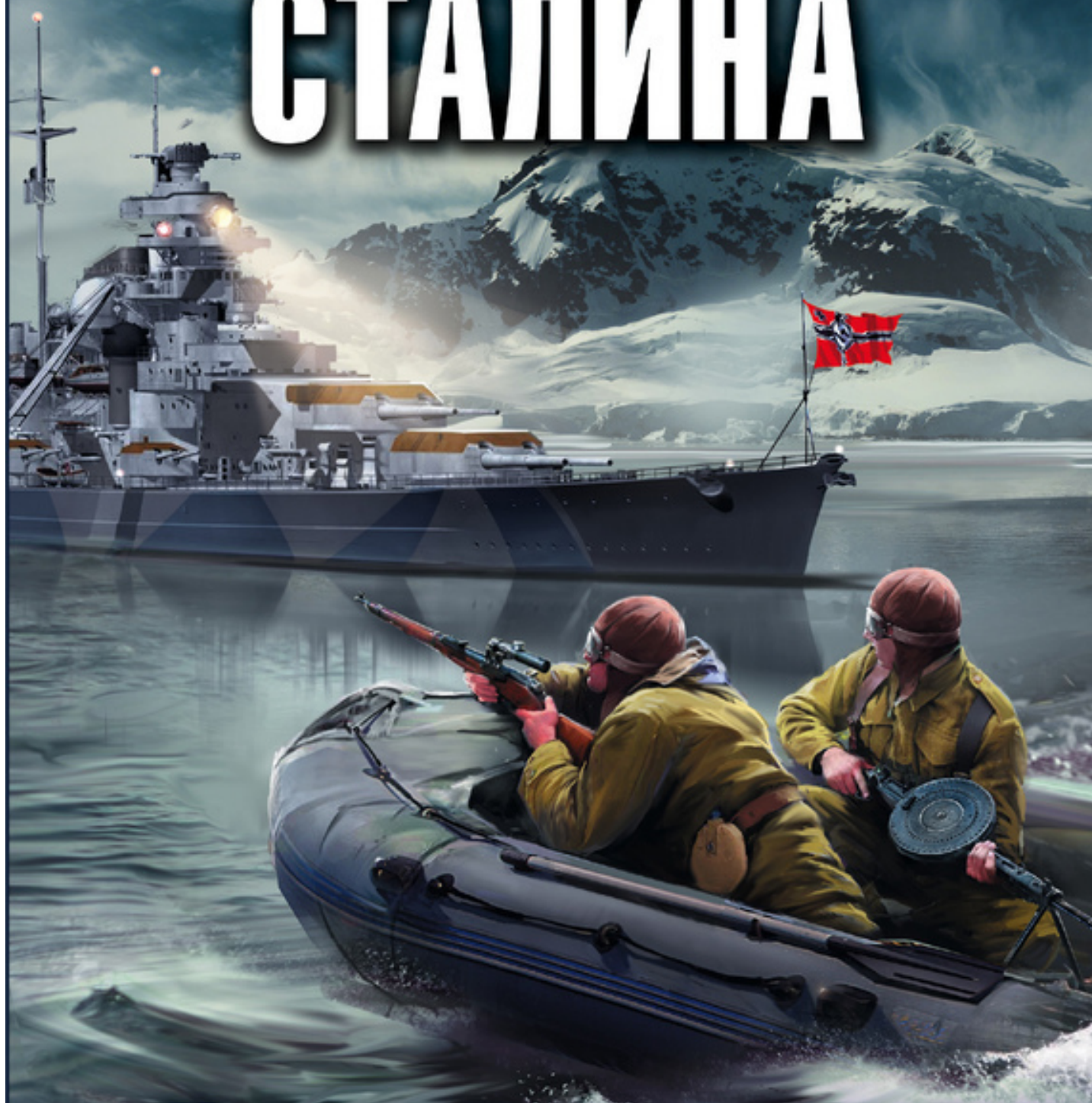

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

СУПЕРДИВЕРСАНТ СТАЛИНА

И один в поле воин

Военно-историческая фантастика

Валерий Большаков

**Супердиверсант Сталина.
И один в поле воин**

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Супердиверсант Сталина. И один в поле воин /
В. П. Большаков — «Махров», 2017 — (Военно-историческая
фантастика)

ISBN 978-5-699-95797-2

Способен ли один в поле воин победить немецко-фашистскую орду? Если это супердиверсант Павел Судоплатов, чье сознание вернулось на пятьдесят лет назад, то шанс есть. Главное его оружие – опыт и знание будущего, и он сделает все, чтобы Страна Советов одолела Третий Рейх. Для этого у Судоплатова есть все – дерзкий ум, верные товарищи, поддержка вождя. И вот уже в глубоком немецком тылу разворачиваются целые партизанские армии, имеющие на вооружении танки и бомбардировщики, а высаженные с подводных лодок головорезы Наума Эйтингона захватывают и угоняют в Мурманск линкор «Тирпиц». Но хватит ли сил у «генерала особого назначения» бороться до победного конца?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95797-2

© Большаков В. П., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Большаков

Супердиверсант Сталина.

И один в поле воин

Пролог

...Вызывая, пули сбивали хвою над самой головой Судоплатова, и он вжимался в траву за крохотным бугорком, мечтая, чтобы тот вырос в здоровенный вал, в крепкую стену, желательно бетонную...

Множественный треск винтовок покрывался гоготаньем пулеметов. Изредка прорывался сухой кашель «шмайссеров», доносились одиночные выстрелы из табельных «ТТ» и трофейных «Вальтеров».

Засада удалась, вот только немцы не сдавались, сопротивлялись отчаянно – черное воинство СС было осведомлено, что партизаны не жалуют карателей.

Высунувшись на мгновение, Павел выстрелил и мигом откатился в сторону. Бугорок тут же зафонтанировал пылью, угодив под короткую очередь.

– Товарищ комиссар! – послышался крик.

Судоплатов обернулся. К нему подползал Кочетков, прозванный «начальником аэродрома». За ним, шевеля коробчатым «горбом» рации на спине, полз радист.

– Ну, что?

– Летят, товарищ комиссар!

– Ат-глично! Будь на связи. И не высывайся!

– Есть!

Воспользовавшись не шибко длинной промоиной, Павел добрался до крепкой, кряжистой сосны, вцепившейся корнями в каменистый пригорок. Отсюда открывался неплохой вид на поле боя.

Немцы подъехали на четырех грузовиках и одном штабном автобусе, пустив впереди целую свору мотоциклов. Надо полагать, чувствовали они себя в безопасности, находясь под солидной охраной, – колонну сопровождали три танка и столько же полугусеничных «Ганомогов».

Тяжелый «Т-IV» подорвался на mine, среднему «Т-III» вцепила пару бронебойных партизанская артиллерия, а еще одна «тройка» продолжала буянить. Танк ворочал башней, рассылая снаряды по лесу – гулкие взрывы ломали деревья и пугали птиц.

Видимо, экипаж машины боевой здорово перетрусил, отчего малость ошалел. Вот и слал боеприпас куда попало.

Или озлобились танкисты. И решили «подбить» хоть одного партизана.

Грохнула пушка – это сработал расчет сержанта Шорина, молодого, но глазастого артиллериста. «Ганомог», завывая мотором и лязгая гусеницами, как раз объезжал подбитую «четверку» – закопченная башня перекошена, орудие уткнулось в кусты, из люка свисает немецкий танкист, – и снаряд вцепился прямо в кабину броневику. Обычный осколочно-фугасный, но хлипкая «ганомоговская» броня была ему нипочем – взрывом разворотило кабину, просадило кузов.

Пулемет, паливший оттуда почти без остановки, тут же смолк – некому стало палить.

Танковое орудие выдуло блеск огня и клубы подсвеченного дыма. Снаряд прошелестел мимо, разорвав комель сосны. Бедное дерево покосилось, застревая между стволов, а Шорин ударил бронебойным.

Калибр был так себе, но гусеницу снаряд порвал и ведущее колесо покурочил. Танк дернулся, распуская «гусянку», зарываясь катками в мягкую землю – и подворачиваясь бортом.

Туда-то и отправили партизаны-пушкари следующий подарок.

Болванка вошла в корпус «тройки», как гвоздь в трухлявое дерево. Танк замер, застыл, а в следующую секунду его угловатая башня вздыбилась на порыве бешеного пламени – рванул боекомплект.

Воздушная волна пронеслась, клоня траву, и все стихло, как будто гибель последнего танка была сигналом прекратить огонь. Затихли пулеметы. Хлопнули пару раз немецкие карабины и смолкли. Сухо, немошно, несерьезно даже, прозвучал выстрел из пистолета – то ли контрольный, то ли себе в голову.

– Зачищаем! – донесся крик Творогова.

Снова поднялась стрельба, но палили разрозненно, без горячки, деловито даже. Добивали.

– Товарищ комиссар!

– Уделали? – откликнулся Судоплатов.

– Так точно!

– Молодцы. Живо укрывайте танки! И погасите огонь – люфтваффе не должно видеть следов боя.

– Есть!

Павел выбрался к дороге и зашагал к обширному полю, чья зеленая плоскость проглядывала между молодых елочек.

Товарищ комиссар... Судоплатов усмехнулся.

«В той жизни» он получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга лишь в 43-м. Растешь, Павел Анатольевич!

Бойцы из 2-й Украинской партизанской дивизии белозубо щерились, попадаясь навстречу, и неумело козыряли, кидая руку то к фуражкам, то к обычным кепкам. Судоплатов улыбался и кивал в ответ.

Сколотить партизан в бригады и дивизии, усилить их разведчиками-диверсантами из 1-й и 2-й ОМСБОН¹ – это было трудное, но живое, интересное дело. А уже набирают первые отряды 4-й Отдельной мотострелковой...

Значит, уже этим летом он развяжет настоящую войну в тылу врага! Все идет по плану.

– Товарищ комиссар!

Это радист догонял его неуклюжей пробежкой.

– Ась? – ворчливо, по-стариковски, отозвался Павел.

– Они уже близко!

– Понял. Переоденься!

– Есть!

Судоплатов прибавил ходу. Ворота стояли распахнутыми, бойцы споро выносили убитых немцев из дощатых сарайчиков и брезентовых палаток – это был передовой аэродром люфтваффе, и постоянных сооружений, вроде ремонтных ангаров, здесь не строили.

Зато взлетно-посадочная полоса была хороша – она тянулась вдоль просеки длиной в две тысячи метров и вся была выложена шестиугольными плитами, сколоченными из дерева.

Павел оглянулся.

– Клаус! Готовьтесь.

– Готовы, товарищ комиссар! – осклабился Рихард Клаус, «белокурая бестия» из Маркштадта, что в Саратовской области.

¹ В нашей реальности первая и единственная ОМСБОН была создана осенью 1941 года.

Клаус был упакован в немецкую форму, со всеми онерами и причиндалами гауптмана. Следом за ним перетапывался целый взвод рядовых люфтваффе и унтер-офицеров.

Великан Приходько выдал «товарищу комиссару» серо-синий мундир оберста – был тут такой, начальствовал давеча. Медведев ликвидировал его аккуратно, одиночным в переносицу, чтобы форму не запачкать.

– Вы побачьте – усэ чистэнько та гладенько, – прогудел Приходько.

– Верю, Микола, – улыбнулся Павел.

Быстро переодевшись, он вышел на поле.

Сюда, под Ровно, командование 4-го воздушного флота люфтваффе перегоняло смешанную группу самолетов² – эскадрилью бомбардировщиков «Юнкерс-88» и две эскадрильи «Мессершмиттов».

И бомбы завезли, и прочий боеприпас. Топливозаправщики прибыли, а когда грузовики отбуксировали к аэродрому зенитки «ахт-ахт», Судоплатов решил на штабе: «Будем брать!»

– Клаус, по местам. Начинаем!

– Летят! – донеслись крики. – Летят!

– Все по местам!

Множественный гул накатывал из-за леса на западе, и вот над пильчатой стеной ельника показались «мессеры».

Взвились зеленые ракеты: милости просим!

Немецкие истребители сделали круг над аэродромом и пошли на посадку. Вот по ВПП прокатилось первое звено.

Гудя и блистая пропеллерами, самолеты вырулили к капонирам. На снижение пошли двухмоторные бомбовозы.

«Юнкерсы» садились налегке – касались колесами дощатых панелей, пускали дымок, сворачивали, грузно покачивая крыльями – как ни ровняли поле, а мелкие впадинки да колдобинки все равно оставались.

– Все сели? – процедил Судоплатов.

– Все вроде! – бодро ответил Кочетков.

– Вроде или точно?

– Вроде точно...

Немецкие летчики спокойно брели по стриженной траве, помахивая шлемами да похихатывая. В обратном направлении, к самолетам, тронулись заправщики и грузовики с бережно уложенными бомбами. Техники из группы Клауса весело переговаривались на «хох-дойч», хотя это и был перебор – пилоты люфтваффе их просто не замечали, в упор не видели.

Группенкоммандер вытянулся перед Судоплатовым, представился майором Зеппом Шнауфером и сипло пролаял что-то о завершении перелета и службе во славу Рейха. Павел понимал его с пятого на десятое, досадуя на нехватку времени, – надо бы серьезно подтянуть языковые навыки.

– Зиг хайль!

– Зиг хайль. Битте...

Группенкоммандер отвесил короткий поклон и направился, куда ему было указано – в штаб. Приходько уже поджидал Шнауфера. Задавить майора для него не составило бы труда, но Зепп нужен был живым.

Проводив глазами группенкоммандера, Павел кивнул Лукину, потешно выглядевшему в форме немецкого унтера:

– Разоружить, раздеть, разуть...

– ...И расстрелять! – понятно заключил «унтер».

² В группе числилось 40–50 самолетов.

Судоплатов кивнул и коротко выдохнул. Вроде все шло штатно.

Раздалось несколько скупых очередей, донесся одинокий крик...

Несколько минут, и кадровый состав люфтваффе сократился человек на шестьдесят.

– «Маляры» где?

– Здесь, товарищ комиссар третьего ранга!

– Кресты и номера закрасить!

– Звезды малевать будем?

– Потом.

Из казармы потянулись советские летчики. Чуть ли не половина из них прибилась к партизанам, когда выходили из окружения. Не все их товарищи успели выпрыгнуть с парашютом, да и среди успевших не всем повезло – кто ногу сломал, кто бок ободрал, а кто и вовсе к немцам угодил.

Прибежал Клаус и доложил:

– Шнауфер и еще один... Йорген... э-э... Простите, товарищ комиссар, запамятовал! В общем, оба прониклись. Разговорились – еле успеваем записывать!

– Сознательные товарищи, – усмехнулся Павел. – Рядовой состав?

– Пустили в расход.

Судоплатов кивнул и повернулся к Четверкину, буквально вчера назначенному командиром авиаполка.

Четверкин-в-небе был скор и резок, а вот Четверкин-на-земле отличался медлительностью, основательностью, спокойной плавностью движений.

Вот он поднес ладонь к фуражке и проговорил, еле удерживая на лице серьезное выражение:

– Пилоты 1-го партизанского смешанного авиаполка готовы выполнить любой приказ командования.

– Доволен? – улыбнулся Судоплатов.

Ухмылка Четверкина вышла еще шире.

– А то, товарищ комиссар! Еще утром – толпа «безлошадных», а сейчас – во!

Широким жестом он обвел аэродром. Павел кивнул.

– Заправляйтесь, вешайте бомбы, и вперед. Ваша цель – железнодорожный узел Здолбунов. Разведка донесла, что там скопилось много эшелонов, вот и «облегчитесь»! Только учтите: много времени на освоение новой техники я дать не могу.

– Не волнуйтесь, товарищ комиссар! Мы быстро!

«Мессеры» один за другим поднимались в небо, описывали круг над аэродромом и садились обратно. Одни пилоты вылезали, другие занимали их места. Круговорот летунов в природе.

Прошел какой-то час, и Ермаков зычно скомандовал:

– По самолетам!

Новенькие «Юнкерсы» без опознавательных знаков с ревом отрывались от земли. Следом взлетали юркие «Мессершмитты».

Построившись девяткой, бомбовозы потянули на юг. Истребители сопровождали их, страхуя сверху и снизу.

Проводив глазами партизанскую авиацию, Судоплатов дал отмашку:

– По машинам!

Длинной колонной уходили трофейные бензовозы и тягачи – в кузовах они везли бомбы, снаряды и прочий огневой припас, а на буксире волокли зенитки «ахт-ахт».

Следом двинулись партизанские грузовики – сплошь «Опели» да «Бюссинги». И это тоже лежало в основе судоплатовского плана – следовало обеспечить партизанским бригадам

и дивизиям максимальную автономность, наибольшую независимость от Большой земли, что пролегла за линией фронта.

Безусловно, и Ставка, и родимый НКВД будут подбрасывать спецов, лекарства, оружие, но много ли «гостинцев» перетащишь по воздуху? А ведь железнодорожный состав в глубокий тыл противника не отправишь, вся надежда на самолеты.

Но Павел правильно сказал на штабе: надеяться надо только на себя! У них под боком масса немецких складов, станций, аэродромов. Там их ждут авто и танки, пушки и снаряды, продукты и много чего еще, награбленного или с клеймом «Сделано в Германии». Остается только взять...

...Длинная колонна углублялась в Сарненские леса, пересекая незримую границу Захидного партизанского края³.

Туда немцы соваться не рисковали. Попытки, конечно, были, но после того, как несколько крупных соединений карателей потерпели полный разгром, гитлеровцы избегали лесов. Конечно, регулярные налеты продолжались – люфтваффе бомбили дебри, плюхая фугаски в болота, но большой беды не приносили.

Ныне ситуация сложилась такая, что в Берлине заходились от злобы – в немецком тылу росла и крепла «теневая» Красная Армия, разрозненные партизанские отряды сливались в бригады, бригады – в дивизии.

К весне 42-го можно было пройти от Ровно до Ленинграда, путешествуя от одного сельсовета к другому. Только пересечение дорог и железнодорожных путей представляло собой опасность.

Временно.

Судоплатов, покачиваясь в кабине «Ганомога», довольно улыбнулся. «В прошлой жизни» он не смел и надеяться на подобный размах. Все шло к тому, что немцы скоро будут писаться со страху при слове «партизан». Будут задираць руки повыше и кричать «Гитлер капут!», чуть услышат треск веточки в подлеске.

А дальше будет еще интересней. Пора налаживать связи между отдельными партизанскими краями, сплачивать их воедино, образуя уже целые партизанские республики. То же и с вооруженными силами. Уже сформированы две партизанские армии. Мало, надо еще! А для этого требуется что? Правильно – авиация, артиллерия, танки. Этого добра у немцев достаточно, пора им поделиться с лесными жителями...

Все шло по плану.

Глядя на проплывавшие мимо сосенки, Павел вернулся памятью в прошедшее.

³ Такого не существовало, но были другие края, где действовала советская власть, работали колхозы, школы, библиотеки.

Глава 1

План

Москва, 6 марта 1942 года

Вечером Судоплатов покинул «страшный дом» на площади Дзержинского и отправился пешком. Уходить с работы раньше самого наркома не приветствовалось, но Павел чуток схитрил, сообщив Мамулову, что вознамерился нагрянуть на стадион «Динамо», где заканчивался набор бойцов в 3-ю ОМСБОН, с проверкой.

Нет, он не обманывал, конечно. Уж чем-чем, а манкировать службой Судоплатов не собирався. Это была служба Родине, это была его жизнь.

Просто если идти пешком, то можно успеть многое обдумать по дороге. А при ходьбе Павлу всегда лучше думалось. Дома или на работе много отвлекающих моментов, а по пути ничто не мешает «размышлизмам».

Неторопливо шагая, Судоплатов направился к Кузнецкому мосту. Мучил его единственный, он же вечный, вопрос: что делать?

Как быть? Как поступить ему, прожившему долгую жизнь, дотянувшему до 1996 года, насмотревшемуся на предательство Хрущева и Горбачева, знающему, что будет «за горизонтом событий»?

Да, он уже немало поработал на благо, по-своему исправляя ошибки, которые могли обернуться губительными последствиями в будущем.

Убил Хрущева. Ликвидировал Маленкова и Булганина, Геринга и Гиммлера. Сохранил жизнь и свободу Якову Джугашвили.

Но лично ему казалось, что Павел Анатольевич Судоплатов способен на большее, чем акции возмездия. Или спасения.

Однако не зря же он заработал полушутливое прозвище «главного диверсанта Сталина»! Павел усмехнулся. Каждому свое.

И вернулся к вопросу номер один. К основной теме.

Убить Гитлера!

Сколько раз он пытался «раскрыть тему»! Как долго мусолил идею добраться до фюрера!

Вариантов хватало. «В той жизни» Судоплатов пробовал подослать своего агента через внучку Чехова, но не получилось.

Рассматривалась и возможность бомбардировки бункера «Вервольф», что под Винницей.

Но до разработки конкретного плана покушения дело не доходило – Павел, как, впрочем, и сам Сталин, опасался последствий.

В другой реальности, не имея теперешнего опыта, он мечтал кокнуть Адольфа Алоизыча во что бы то ни стало, но в этой...

Судоплатов слишком много знал, чтобы решиться на такой необратимый поступок.

Ни Гиммлер, ни Геринг ничего, в принципе, не решали. Они просто были наказаны за свои преступления. И все.

Гитлер же – фигура знаковая. Убить его означает изменить историю, привести в движение спящие пока силы.

Допустим, фюрер убит. Что дальше? Кто заменит убиенного? Если такой же русофоб и изувер, то это мало что изменит на «Великой шахматной доске» – война будет продолжаться, пока Красная Армия не войдет в Берлин.

А если верх возьмут типы вроде Канариса и прочих, готовых пойти на сепаратный мир с Америкой и Англией? Ведь фон Папен («в той жизни!»), будучи послом Германии в Анкаре, в этом самом 42-м уже зондировал возможность замирения между рейхом и Соединенным Королевством. Нынче ситуация иная – Наум шлепнул-таки неугомонного Папена, но что это меняет?

Судоплатов, как разведчик, был в курсе нечестивых телодвижений американцев. В 43-м Даллес встречался с фельдмаршалом Браухичем, в 44-м к нему на поклон прибыли соратники фон Трескова, безуспешно пытавшегося кончить Гитлера, а зимой 45-го пожаловали эмиссары Шелленберга и Кальтенбруннера. И все они толковали об одном и том же: давайте жить дружно! Давайте вместе, рука об руку, бороться с большевизмом, со Сталиным, с СССР!

Банкиры, промышленники, военачальники с обеих сторон были согласны с таким подходом и даже возмущались: отчего-де Германия, хоть и Великая, должна в одиночку противостоять штурму и натиску с Востока? Коль уж русские варвары являются общим врагом для всего Запада, то надо объединить усилия!

Очнувшись от дум, Павел обнаружил, что дошагал до Столешникова. Выйдя на Горького, он глянул в сторону Кремля.

Убить Гитлера – это самая малость. Фюрер – обычный смертный, и ликвидировать его можно. И нужно. Просто чтобы показать – и доказать – уйти от возмездия не удастся никому. Однако не в Гитлере дело. Это лишь посыл, отправная – и конечная! – точка.

Как бы странно это ни звучало, но живой Адольф выгоден Советскому Союзу, ибо через труп фюрера тут же перешагнут «западники», либералы и прочая шваль. Они с радостью спишут все преступления на убитого Гитлера, заявят о приверженности ценностям «свободного мира», и им будут рукоплескать стоя в Белом доме, на Уолл-стрит и в прочих прибежищах демократии.

И тогда Москва будет иметь дело с осью Берлин – Рим – Лондон – Вашингтон. Осилит ли?

Судоплатов нахмурился. Что-то он уже по второму кругу пошел... Выход ищи, выход!

А выход прост, как столовая ложка. Надо сделать так, чтобы к лету... ладно, пускай к осени 1943 года РККА разбила бы группы армий «Центр», «Юг» и «Север». Только и всего.

Когда развалится фронт и немцы начнут драпать, встанут иные вопросы – о доминировании в Европе, к примеру, – зато Германии, Англии и США уже не удастся запрячь «тройку удалую», помешает разброд в парламентах и элементарная нехватка времени.

Англичане с американцами не станут сами нападать на СССР, духу не хватит, а немцы... Так ведь не факт, что гордые тевтоны заключат мир с Вашингтоном и Лондоном. Могут и Москве поклониться... Возможны варианты.

Павел довольно улыбнулся и зашагал бодрее. Сумеет ли мы расколошматить вермахт и люфтваффе менее чем за два года? А почему бы и нет? Задача эта решаемая, надо только расставить нужных людей да затеять важные мероприятия.

Наладить выпуск новых самолетов, вроде «Ла-5», «И-185», «Пе-8», «Ту-2» и прочих. Новых танков – модернизированных «Т-34», вылеченных от «детских болячек», «КВ» и «ИС». Самоходных артиллерийских и зенитных установок, пистолетов-пулеметов Судаева, мощных грузовиков и бронетранспортеров, радиолокаторов, раций, гранатометов и прочего, и прочего, и прочего.

Ни в коем случае не допустить провала РККА под Харьковом весной этого года, который приведет к Сталинградской битве. Если Харьковское контрнаступление Красной Армии удастся, то это реально создаст возможность окончить войну осенью 1943-го, максимум – весной 1944-го.

Следовательно, необходимо сделать все, чтобы обеспечить полное взаимодействие Брянского, Южного и Юго-Западного фронтов. Как? Мысли были...

Были и дела – он уже немало поработал на благо Родины. Судоплатов скромно держался в сторонке, в тени, но именно благодаря ему Красная Армия встретила врага во всеоружии, а не спросонья, бегая в подштанниках. РККА вовремя оставила Киев, избежала Вяземского котла.

Сейчас на Украине собран мощный кулак, в том числе и бронированный, чтобы как следует ударить по гитлеровцам. Положение сложилось куда лучше того, которое сидело у Павла в памяти. Надо только использовать его «по уму».

А если получится отсечь группу армий «Юг», как и планировалось, прижать ее к Азовскому морю и уничтожить, это потянет за собой череду новых побед. Ведь немцы будут просто вынуждены перебросить на юг части, снятые с других участков фронта. Ослабнет блокада Ленинграда, и можно – нужно! – будет освободить город на Неве. А там и подготовка к наступлению в Прибалтике...

А его роль, Павла Анатольевича Судоплатова, будет заключаться в предоставлении Ставке разведданных, которых добыть нельзя, если только ты не Ева Браун. Он положит на стол сфабрикованные документы, в которых будет правда, только правда и ничего, кроме правды. Об операциях «Фредерикус» и «Блау», о плане «Ост» и прочих мерзопакостных задумках фюрера.

Что и говорить, игра выйдет опасная. А что делать?

К тому же его деятельность не должна ограничиваться кабинетом и коридорами наркомата. Нужно, необходимо просто поработать «в поле».

Идет набор в 4-ю ОМСБОН? Отлично, но этого мало. Необходимо стихию партизанского движения выстроить и организовать. Расширять партизанские зоны, сливая их в партизанские края, а те, в свою очередь, объединяя в республики. Сбивать отряды партизан в бригады, в дивизии, создавать в тылу врага лесную Красную Армию, способную в дальнейшем координировать свои действия с РККА, окружать и громить регулярные части вермахта. Тогда партизанам и танки понадобятся, и самолеты... Ничего, у немцев этого добра много.

Судоплатов вздохнул с радостным облегчением. Цель была поставлена, задачи ясны. За работу, товарищи!

Вспомнив сценку из «Бриллиантовой руки», Павел улыбнулся и пробормотал:

– Действуем без шума и пыли, по вновь утвержденному плану!

* * *

На стадионе все шло штатно. Опытные бойцы тренировали новобранцев, учили всему, что знали сами, – ставить мины, стрелять на огонек сигареты, убивать ножом, топором, лопаткой, всем, что под руку попадется. Бегать, прыгать с парашютом, обращаться с рацией, ставить растяжки и «монки»... У разведчика-диверсанта много умений.

Март был сырым и холодным, но от рядовых 3-й ОМСБОН пар валил – муштровали тут бешено. А иначе нельзя – подготовить опытного разведчика-диверсанта за несколько месяцев просто невозможно. Дай бог хоть что-то заложить, а навыки придут сами – в боях, в рейдах по тылам, в секретных операциях.

Запахнув полушубок, Судоплатов уселся на скамейку посреди трибуны, где стоял снег, и нахохлился. Возбуждение, что накатило на него, уже схлынуло, сменившись унылостью.

Павел сам себе показался юношей-прожектором, склонным к маниловщине. Нужно исправить череду губительных ошибок, допущенных советским командованием «в прошлой жизни», чтобы одержать победу над Германией к концу 1943 года. Всего-то!

Вот только в одиночку эту «работу над ошибками» не проделать.

Никак. Можно, конечно, привлечь молодых и горячих, верящих ему и в него, использовать их «втемную». Да не только можно, но и нужно. И все же одному не вытянуть, нужны соратники.

Сообщники.

Хорошо. Но ведь сразу возникнут вопросы: а откуда ему известно, что немцы поступят именно так, а не иначе? Тот же Наум, которому можно доверять полностью, первым и спросит, ласково так, с прищуром: «Павлуша, а с чего ты взял, что немцы дойдут до Волги?» И что ему ответить?

– Здорово, товарищ старший майор! – послышался веселый голос.

«На ловца и зверь...»

На трибуну поднимался Наум Эйтингон.

– Фу-у! – выдохнул он, плюхаясь рядом с Судоплатовым. – Орлы! А?!

– Орлы, – согласился Павел.

Наум внимательно поглядел на него.

– Случилось чего?

– Да так... – промямлил Судоплатов и тут же рассердился на себя. Хватит мямлить и рефлексировать! Пора действовать!

– Слушай, Наум, дело есть. Очень и очень важное. Важнейшее.

– Выкладывай.

Павел покачал головой:

– Не могу. Пока. Ты просто не поверишь, и это в лучшем случае. А в худшем – поможешь санитарам связать меня и отправить в дурдом.

– Загадками говорить изволите, гражданин начальник? – прищурился Эйтингон. – Ну, хоть на чуточек-то откройся! Приподними завесу тайны, товарищ старший майор!

Судоплатов усмехнулся:

– Мне известно... кое-что, и это кое-что случится в ближайшем будущем. В марте, в мае... Давай сделаем так: я тебе откроюсь «на чуточек», расскажу, что произойдет через неделю, а после того, как ты убедишься, что я пророк еще тот, мы поговорим серьезно.

– Пугаешь ты меня... – проворчал Наум. – И что же такого случится через неделю?

– Помнишь Демьянова?

– Сашку-то? «Гейне»? А как же! Его сейчас гоняют в школе абвера.

– Уже не гоняют, – сухо сказал Судоплатов. – Пятнадцатого марта немцы забросят Демьянова к нам в тыл.

Взгляд Эйтингона сразу стал острым.

– Откуда знаешь? – спросил он.

– Оттуда, – усмехнулся Павел. – Ни во что не вмешивайся, никому об этом не рассказывай. Демьянов высадится с парашютом, колхозники его задержат и доставят в Ярославль, в тамошнее управление НКВД. Будем ждать звонка.

* * *

Неделя прошла незаметно. Судоплатов боялся, что часы и дни будут тянуться, вытягиваясь вязкой бесконечностью, но дела закрутили его, завертели... Смотреть на часы и даже на календарь было просто некогда.

Лишь пятнадцатого числа время уgomонилось. Вечером Павел задержался, хотя Мамулов и звякнул насчет наркома – Берия уехал на дачу, так что и старшему майору позволено было топтать домой.

Но не сегодня.

Судоплатов прихватил с собой кучу бутербродов, чтобы не скучать по «вкусной и здоровой пище», а здоровенный медный чайник уже медленно закипал на электроплитке.

Наум Эйтингон тихонько сидел в уголку, изредка посматривая на товарища. Судоплатов старался не замечать пытливых взглядов – слишком много сомнения в них читалось, а это раздражало.

Нет, Павел прекрасно понимал состояние Наума – тот не мог не доверять ему, но и поверить... Вот и маялся «Леонид Наумов»⁴.

– Чай будешь? – проворчал Судоплатов.

– Ну, давай...

И тут грянул звонок. Он разорвал тишину в ключья, заставляя участиться пульс. Павел неожиданно ужаснулся – а вдруг ничего не выйдет? Вдруг реальность поменялась настолько, что многое из «прошлой жизни» уже не произойдет в этой?

Подняв трубку, он сказал:

– Алло? Старший майор Судоплатов слушает.

– Товарищ старший майор, – сквозь помехи донесся окаянный голос, – тут к нам доставили немецкого парашютиста...

От волнения Павел начал вставать с места.

– Что он сказал? – резко спросил он.

– Да все твердит чегой-то... Начитанный. Гёте... Чего? Как-как? Тут меня товарищи поправляют – не Гёте, а Гейне.

– Немедленно в машину! – выдохнул Судоплатов. – В Москву!

Из записок П. А. Судоплатова:

«В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителями Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нарком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП (б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, – говорил Берия. – Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

⁴ Один из псевдонимов Н. Эйтингона.

Глава 2

Гость из будущего

Москва, 16 марта 1942 года

Эйтингон решительно подсел к столу и велел:

– Рассказывай!

Судоплатов откинулся на спинку скрипучего стула, закрыл глаза, отер ладонями лицо, как правоверный мусульманин, и медленно заговорил:

– Уже год я держу все в себе и, знаешь, очень рад, что могу, наконец, исповедоваться.

– Я не поп, – криво усмехнулся Наум, – и даже не раввин.

– Так и я не верующий!

– А почему мне?

Павел глубоко вздохнул.

– После смерти Сталина в партии начнется грызня, и верх возьмет Хрущев, – медленно проговорил он. – Берию арестуют и сразу же расстреляют, а нас с тобой, как пособников наркома, посадят. Тебя на двенадцать, меня на пятнадцать лет. Допрашивать будут жестко. Мне пункцию возьмут из спинного мозга, да так неаккуратно, что потом всю жизнь сидеть будет больно. И без глаза останусь, и три инфаркта заработаю. Тебе тоже достанется, но меня ты не сдашь. Да я и так был в тебе уверен...

Эйтингон выглядел растерянно и жалко.

– Вопросы – потом, – вздохнул Судоплатов, – хотя я и сам ни черта не понимаю. В общем, прожил я долгую жизнь, а осенью 1996-го... Да-да, одна тысяча девятьсот девяносто шестого года! Не знаю, что тогда случилось. Вроде как гроза собиралась, а я, дряхлый старикан, еле плелся, добираясь до дачи. Сверкнула молния и...

– И? – напряженно спросил Наум.

– И я очнулся здесь, в этом здании. Был май 41-го, как раз перед твоим приездом. И вот я, старый дед, вдруг ощущаю себя в этом вот теле, вполне еще молодым и отменно здоровом! Знать бы, как и что произошло... Да хоть назвать это как? Переселение души? Перемещение сознания? Как хочешь, так и называй, а только вот он я! И мне в этом году стукнет девяносто.

Эйтингон выглядел подавленным, но вот лоб его нахмурился.

– Постой... – проговорил он. – Ты же сказал, что власть захватит Хрущев. Это как? Он же помер! Стоп-стоп-стоп... Так это ты его?!

– Я, – кивнул Павел. – Знаешь, что эта лысая сволочь понаделала со страной? Первым делом Никита всех партийцев, всех номенклатурщиков вывел из-под пригляда НКВД. Они стали новым правящим классом! Номенклатура лечилась в спецклиниках, отоваривалась в спецмагазинах, отдыхала в спецсанаториях, а народ в это время голодал – Хрущев запретил держать подсобные хозяйства. И с полок магазинов – обычных торговых точек! – исчезла колбаса. Позакрывал кооперативы, запретил кустарей-одиночек. Начались восстания, рабочие и крестьяне спрашивали, чем им кормить детей, а на них посылали танки...

– Значит, теперь не пошлет...

– Ты мне веришь? – прямо спросил Павел.

Эйтингон вздохнул.

– То, что ты рассказал, слишком невероятно, чтобы оказаться враньем. Да и когда ты мне врал? Вот что. Рассказывай все, как было.

Судоплатов подумал и начал:

– Ближе к лету Красная Армия начнет контрнаступление в районе Харькова. Не знаю, как в этой, а в прошлой реальности взаимодействие фронтов, армий и дивизий было из рук вон, в итоге немцы прорвали нашу хилую линию обороны и дошли до самого Сталинграда. Там случилось грандиознейшее сражение, мы победили, но скольких потеряли – кошмар... Да и время упустили. Летом 43-го началась Курская битва. Потери были громадные, но все же РККА перешла в наступление и наступала до самого Берлина. 9 мая 1945 года война закончилась...

Судоплатов говорил и говорил – о войне с Японией, о войне корейской и вьетнамской, о спутнике и Гагарине, о Карибском кризисе и «эпохе застоя», о предательстве в КПСС, о приходе к власти либералов, разваливших СССР, разрушивших экономику сверхдержавы, разграбивших «закрома Родины» и загребших наворованное под седалища...

Наум долго молчал, а потом сказал негромко:

– Я видел молоденьких солдат, которые гибли ротами. Может быть, они думали, что защищают свою страну, когда поднимались в атаку? Или вспоминали о матерях, о знакомых девчонках? А теперь получается, что их смерть была зря? Ведь они умирали за Советский Союз, за советский народ, за советскую власть! За все то, что в будущем обосрут мещане, продавшие Родину за тридцать долларов?

– Да, – тяжело ответил Павел, – выходит, что так. А чего ты нюни распустил? Я для чего тут перед тобой выступаю? Чтобы до тебя дошло, когда и по чьей вине мы свернули со светлого пути в тупик, завязли в мещанском болоте! А коли допер, кто виноват, думай, что делать.

И Судоплатов посвятил друга в свой план.

– Это все так, – повертел он пальцами, – набросок, черновик. Надо все продумать, просчитать. Вот только времени у нас практически не осталось – два месяца всего! А потом будет поздно. Хотя, если честно, я уже не уверен в собственных пророчествах – изменилась реальность, и весьма. И тот ход событий, который мне памятен, нынче лишь один из допустимых вариантов, да и то с поправками.

– Мысли есть?

Павел кивнул.

– Помнишь, ты рассказывал об одном уголовнике-патриоте, что делал вам немецкие паспорта, да такие, что получше настоящих?

– Постой, постой... А-а... Гоша Хмырь?

– Он самый. Я что хочу? Пускай Хмырь изготовит фальшивые... нет, не документы, а бумаги из штаба 6-й армии вермахта, 1-й танковой армии, из немецкого Генштаба. Прописем в них действия группы армий «Юг» и упомянем, как своей глупостью и бездействием «помогает» немцам адмирал Октябрьский, своей неподготовленностью – маршал Тимошенко, и так далее. Пусть немцы сами выдадут характеристики нашим полководцам и флотоводцам! Да впрямую скажем, что опасно для гитлеровцев – сплоченность, взаимодействие, связь, глубокая оборона, мощные танковые клинья и поддержка авиации. Именно на отсутствие всего этого и надеется враг!

Судоплатов заметил, что Эйтингона «зацепило», он загорелся опасной игрою.

– Согласен, – кивнул Наум. – В конце концов, мы будем всего лишь говорить правду!

– Именно.

– Только надо же как-то назвать твой план. Кстати, план чего? А давай по-военному! План операции... Операции «Перевал»? Звучит?

– Ну-у... Более-менее.

– «Более-менее!» – передразнил друга Эйтингон. – Звучит очень даже солидно. Хотя, если честно, мне куда интересней твоя «лесная» РККА! Партизанские армии, вооруженные немецкими танками и самолетами... Лихо! – Эйтингон задумчиво посмотрел на бутерброды и сказал: – А не пора ли подкрепиться?

– Угощайся.

– Ну, если ты так настаиваешь...

Бутерброды и пирожки с чаем вдохновили друзей, и план операции «Перевал» стал обрывать деталями.

* * *

Ночевали в кабинете. Судоплатов занял диван, а Наум сдвинул два кресла, поворочав для приличия, хотя оба были людьми неприхотливыми, могли и на травке заснуть, и на голых досках, и даже в снегу.

Утром «воронок» доставил Демьянова.

Александр Петрович был сухощав, с породистым лицом и холеными руками. Аккуратные усы придавали ему еще больше сходства с киношным белогвардейцем, лощеным даже без аксельбантов и золотых погон. И эта похожесть вовсе не случайна – Демьянов был из дворян, а его дядя, к примеру, служил начальником контрразведки в штабе Врангеля.

Натерпеться, как «социально чуждому элементу», Александру пришлось немало, но, когда его завербовало ГПУ, жизнь устроилась.

Александр женился на Татьяне Березанцевой, дочери известного психоневролога, профессора. И жена, и тесть тоже являлись негласными агентами НКВД.

Еще лет за десять до войны Демьянова перевели в Москву и устроили инженером в «Главкинопрокат», что послужило своеобразным пропуском в божественные круги. К тому же и Татьяна работала на «Мосфильме» помрежем.

Сводя знакомство с артистами и режиссерами, Александр частенько пересекался с дипломатами, с иностранными журналистами. Прошло время, и в НКВД Демьянова просветили – им заинтересовалась немецкая разведка. Конкретно – Отто Боровски, атташе германской торговой миссии в Москве (прекрасная «крыша» для разведчика!).

Это было более чем кстати.

Александр вошел в контакт с немецким резидентом, его взяли в вербовочную разработку, а в картотеке абвера он значился под кличкой «Макс».

Судоплатов стал разрабатывать операцию «Монастырь», которая «в прошлой жизни» помогла выиграть Сталинградскую битву.

Это была радиоигра с абвером – немцам подкидывали тщательно выверенную дезинформацию, и вермахт перебрасывал войска туда, куда нужно было Красной Армии.

Павел готовил «вкусную» приманку – дескать, в Москве создана и действует антисоветская организация «Престол». Разумеется, он залегендировал, что подполье являлось прогерманским, а возглавлял его князь Глебов, бывший предводитель Нижегородского дворянства. «Подпольщиком» был и придворный поэт Борис Садовский по прозвищу «Рифмоплет», навалявший оду в честь немецкого оружия, искусствовед Алексей Сидоров, учившийся в Германии, и прочая интеллигенция, жаждавшая пособить рейху. Профессор Березанцев тоже примыкал к «Престолу».

Разумеется, «Престол» был выдуман Судоплатовым, но нашлись отщепенцы, реально готовые влиться в «пятую колонну».

Собирались «подпольщики» в кельях Новодевичьего монастыря, отчего тайная операция и получила свое название.

В декабре 41-го Демьянов явился к Глебову в военной форме, объявив, что его призвали на фронт, но биться за большевиков он не станет – уйдет к немцам, как эмиссар московского подполья. Само собой, князь и его ближний круг горячо одобрили и поддержали такое рвение...

...Конвойные ввели Демьянова в кабинет и вышли за дверь.

– Ну, здравствуйте, товарищ двойной агент!

Павел протянул руку, и Александр крепко пожал ее. Присев, «двойной агент» покачал головой

– Даже не верится... Я – дома! Бож-же мой...

– Рассказывайте. Как вас встретили?

– Да как... Без цветов и музыки, – усмехнулся Демьянов. – Когда наши разведчики ушли, я постарался подальше отойти от места, где с ними расстался, – опасался, что немцы смогут обнаружить следы многих лыж. По словам разведчиков, до немецкой огневой точки от места расставания было не больше ста – ста пятидесяти метров... Когда окончательно рассвело, я привязал на палку полотенце, встал и пошел в сторону немцев. Только я вышел из кустарника, как по мне начали стрелять, причем огонь вели не только с той огневой точки у левого конца проволочного заграждения, но и с двух высот, вопреки данным нашей разведки. А что уже поделаешь? Приседая, когда огонь усиливался, и размахивая палкой с полотенцем, я ковылял вперед. Огонь не причинил мне никакого вреда и прекратился, когда я подошел ближе к немцам. Они стояли с краю проволочного заграждения, что-то кричали и махали руками. Потом до меня дошло – они хотят дать мне понять, чтобы я забирал левее. Немецкие солдаты окружили меня и повели по ходам сообщения, вырытым в снегу. Обошлись без обыска, только один из них на ломаном русском языке спросил, есть ли у меня оружие, на что я ответил отрицательно. Привели меня в блиндаж, куда сейчас же явился переводчик... Офицер через переводчика задавал мне вопросы: кто я такой? Откуда и почему перешел линию фронта? На это я ответил, что инженер из Москвы, прибыл сюда с важным сообщением для германского командования. Все это офицер немедленно стал сообщать по телефону, который был в блиндаже, при этом я обратил внимание, что он несколько раз подчеркнул, что я штатский, инженер, интеллигент и что я шел по минному полю, которое было перед проволочными заграждениями. Оказывается, когда я к ним приближался, немцы кричали о том, что там прохода нет.

Я все рассказал – о подполье, о «Престоле», дал адреса, пароли и явки. Само собой, никто и не думал мне верить. Офицеры абвера замучили меня перекрестными вопросами: «Кто послал? Кто члены организации? Их адреса?» И я им в десятый, в сотый раз повторял, повторял, повторял! А потом, на каком-то из допросов, немцы заявили: «Говори правду или расстрел!» И я им в сто первый раз изложил нашу версию. Меня тогда поставили к стенке сарая, инсценируя казнь. Но это я потом понял, а когда жался к доскам, а в меня целились из винтовок... М-да. Паршиво было. Пули оказались настоящие, они выбивали щепки, те сыпались мне на голову... И меня опять на допрос. Отбарабанил им легенду, и... тут вы все правильно рассчитали, Павел Анатольевич, – немцы затребовали поручителя. Я назвал генерала Улагая, тот был другом нашей семьи в Ленинграде... э-э... в Петербурге. Он потом эмигрировал, а когда началась война, стал служить немцам. Улагай подтвердил, кто я такой, – и дело пошло. На время меня оставили в покое, но машина уже завертелась. Из Берлина поступил ответ на запрос фронтового подразделения абвера, и немецким «особистам» было разъяснено, что перебежчик – это агент «Макс». Ну, не скажу, что мне сразу стали доверять, нет. Переправили в Смоленск, поместили в концлагерь с предателями и изменниками Родины – та еще компания... И опять допросы, уже офицерами из штаба «Валли». Но постепенно степень доверия росла – меня перевели в городскую квартиру, два инструктора абвера готовили из меня агента «Фламинго». Учили радиodelу, тайнописи, как шифровать донесения... Это было самое трудное – скрывать, что я бегло работаю на телеграфном ключе.

Потом меня посетил какой-то высокий чин, стал договариваться насчет «Престола». Я ему рассказал, как учили, что у нашего подполья свои люди и в Челябинске, и в Новосибирске, и в Горьком. И поручили мне сбор сведений, агитацию и прочую подрывную деятельность.

После этой беседы немцы отправили меня в Минск, откуда я и должен был вылететь в советский тыл. Надо сказать, немчура не бросила своих проверок даже в эти, последние дни.

Поселили меня на частной квартире, где проживало несколько соседей, наверняка подставных, и три дня не беспокоили. И это тоже была своего рода проверка. Под окнами постоянно прогоняли толпу людей, жестоко избивая их, а соседushки поясняли шепотком – это, мол, очередных партизан поймали, на казнь ведут. А сами так и смотрят – как я себя поведу?

– Противно было? – улыбнулся Судоплатов.

– Не то слово, – вздохнул Демьянов. – И вот вчера, вернее, уже позавчера меня сбросили с парашютом. Меня и агента 58/6. Где он, не знаю, ветром отнесло.

– Мы его взяли, – сказал Эйтингон.

Александр Петрович кивнул и продолжил:

– Приземлился я в лесу, в районе Арефино, а снег уже подтаял, корочкой покрылся. Все руки ободрал. Вышел к какой-то околице, спрашиваю, что за деревня, а колхозницы меня окружили – могучие такие бабы, злые, и повели к председателю. Чуть не побили по дороге... Председателя я попросил о доставке в Ярославль, в управление НКВД, и он отвез меня на своей подводе. Там я назвал номер вашего телефона, Павел Анатольевич. Вот и все.

– Еще не все, Александр Петрович, – улыбнулся Судоплатов.

Из записок П. А. Судоплатова:

«После августа 1991 года и развала Советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не стал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира.

Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир...»

Глава 3

Операция «Монастырь»

Москва, 16 марта 1942 года

Информация к размышлению:

Из характеристики агента НКВД «Гейне»: «...Глубокое проникновение в суть дела, трезвая расчетливость, дальновидность, основательность. Ответственность за свои обещания: обязательства выполняет аккуратно и в срок. Имеет высокий уровень навыков и умений в изучении людей, установлении и закреплении контактов для добывания информации. Обладает развитой наблюдательностью, быстро ориентируется в незнакомой среде и трудной ситуации. Постоянно нацелен на успех. Вполне надежен. Беззаветно любит Родину. Делу Ленина – Сталина и органов госбезопасности предан...»

– Немцам вы сообщили о своей квартире? – спросил Судоплатов. – Я имею в виду как о явочной?

– Да, встречать агентов буду на Садовой-Самотечной, это удобнее всего.

– Отлично... Профессор Березанцев также готов предоставить свою квартиру, и это важно – агенты или курьеры абвера будут являться именно к профессору, под видом пациентов, а он уже станет звонить вам. Вас мы устроим, для начала, в Наркомат путей сообщения – немцев это очень обрадует. Будете сообщать «хозяевам», куда движутся эшелоны с пополнением и техникой. Текст радиogramм мы вам подготовим...

– Я готов, – поднялся Демьянов.

– Не сегодня, Александр Петрович, – улыбнулся Павел. – Мы вас сейчас отвезем и незаметно высадим. Сами доберетесь до дому и как следует выпитесь. А пока сделаем паузу.

Распрощавшись с Судоплатовым и Эйтингоном, Демьянов вышел. Его «конвоиры» молча пошагали следом.

Операция «Монастырь» входила в активную фазу...

* * *

– Я так понимаю, – осторожно начал Наум, – ты помнишь, как прошла операция?

– Помню. Замечательно прошла. В мае 45-го Демьянов получил последнюю радиogramму: «Враг одолел Германию. Связь прекращаем. Благодарим за службу».

Эйтингон покачал головой:

– Прямо мурашки по телу... Стало быть, ныне все пойдет иначе?

– Уже! Уже идет, Наум. «В прошлой жизни»... Это я так для себя говорю весь год, чтобы не спутаться. Так вот, в тот раз все складывалось хуже, чем сейчас. Я же все помню, да и как тут забудешь? Нашу ОМСБОН, причем единственную, мы собрали только осенью 41-го, а нынче – вон, четвертая на подходе! Ты просто не можешь сравнивать то, что есть сейчас, с тем, что было, а я могу. Помнишь Павлова, который рулил... то бишь командовал Западным округом? Этот дурак таких дров наломал, такую кашу заварил... Представляешь, за несколько дней до войны он приказал снимать оружие с самолетов, а зенитчиков отправил на учения!

– Постой... – нахмурился Наум. – Нет, ну были такие случаи, но Еременко...

– «В прошлой жизни», Наум, не было никакого Еременко, – усмехнулся Судоплатов. – Люфтваффе попросту опустошила наши аэродромы, а Павлова расстреляли через месяц после начала войны.

– Так вот ты куда отлучался... – затыкнул Эйтингон. – Ты и Павлова... того?

Павел кивнул.

– Надо было что-то срочно предпринимать, и что я мог, кроме как пристрелить командующего округом, надеясь, что его преемник окажется хоть чуточку умней, хоть на вот столечко будет чтить долг перед страной?

– Да нет, Павлуша, я не спорю. Тогда, в Минске, успел насмотреться. Главное, из Москвы приказ отдан – бдеть, а они офицеров по домам отпускают. За день до войны! Хорошо, Еременко всем фитиля понавставлял – забегали, как наскипидаренные! Слушай, Павлуша... Когда война закончится, надо будет тебе памятник поставить.

Судоплатов притворно вздохнул.

– И как я тебя терплю только, не понимаю...

– Да сам такой, вот и терпишь! А что, большие различия? Ну, перед тем 41-м и этим?

– Знаешь, поначалу и незаметно было, а потом я стал даты сличать. Минск немцы взяли 28 июня...

– В прошлой жизни?

– Ну да. А в этой лишь 2 июля. Чуешь разницу?

– Не слабо...

– Пять дней, Наум! Представляешь, сколько мы «лишних», так сказать, немцев положили? А сколько своих успели вывести из окружения? Техники сколько спасли? Орудий? Но настоящий праздник случился, когда наши оставили Киев. Полмиллиона красноармейцев тогда уцелело или не угодило в плен, как тогда, в иной реальности, которая для меня самого как сон уже, как память о прочитанной книге. И Вяземского котла не случилось, а Балтфлот, который всю *ту* войну простоял в Кронштадте, в эту воевал. Еще 18 июня Кузнецов послал все подводные лодки дежурить у Мемеля, Данцига, Киля. 22-го наш подплав немало немецких лоханок на дно пустил!

Судоплатов не рассказал другу о том, к примеру, как «подсказал» геологам искать алмазы в Якутии и нефть на озере Саян. Да и чем тут хвалиться? Сам он, что ли, открыл сии богатства недр?

Но будет славно, если сибирская нефть пойдет по трубам на двадцать лет раньше, чем тогда...

Павел усмехнулся. В одной из повестей братьев Стругацких он вычитал рассказ о гигантской флюктуации – человеке, вокруг которого случались невероятные явления.

Вот и он превратился в такую гигантскую флюктуацию. Разве что события, кругами расходившиеся от него, вполне себе возможны.

– Спасибо, Павлуша, – серьезно сказал Наум. – Полегчало мне. Когда смотришь вокруг и кажется тебе, что хуже быть не может, а потом узнаешь, как оно могло быть... И было бы, не воскресни ты! Или как это назвать... Да неважно! Эмме ты ничего не рассказывал?

– Нет, – покачал головой Павел. – Думаю, и не стоит. Зачем зря травмировать женщину?

– Мужчину, значит, травмировать можно! – ухмыльнулся Наум.

– Переживешь, – буркнул Судоплатов.

* * *

Две недели спустя Демьянов вышел в эфир и передал немцам первое сообщение:

«Rzd. Сбросили вместо Пушкино в районе Рыбинск, оттуда с трудом добрался 30. Ваши указания о работе переданы руководству. Никого сейчас не присылайте, ибо контроль встоду усилен. Слушайте меня между 15 и 20 этого месяца. And»⁵

Из воспоминаний П. А. Судоплатова:

«Следует отметить, что операция «Монастырь» с участием «Гейне» – «Макса» была задумана как чисто контрразведывательная. Действительно, когда он вернулся в Москву в 1942 году в качестве резидента немецкой разведки, мы при его помощи захватили более 50 агентов противника. Однако позднее операция приняла характер стратегической дезинформационной радиоигры.

Помимо операции «Монастырь», наша служба во время войны вела примерно восемьдесят радиоигр дезинформационного характера с абвером и гестапо.

В 1942–1943 годах нам окончательно удалось захватить инициативу в радиоиграх с немецкой разведкой. Обусловлено это было тем, что мы внедрились надежных агентов в абверовские школы диверсантов-разведчиков, которые находились под Смоленском, на Украине и в Белоруссии. Наша удачная операция по перехвату диверсантов зафиксирована в литературном деле «Школа». Перевербовав начальника паспортного бюро учебного центра в Катыни, мы получили установки более чем на 200 немецких агентов, заброшенных в наши тылы. Все они были либо обезврежены, либо их принудили к сотрудничеству. По этим материалам был поставлен большой многосерийный фильм «Сатурн» почти не виден».

⁵ Rzd – сокращенное название немецкого разведцентра в Смоленске. And – сокращение от «Александр».

Глава 4

Операция «Перевал»

Москва, Кремль. 13 апреля 1942 года

Веяло теплом, хотя по ночам бывало, что подмораживало. Мокро, зябко, уныло.

Когда времена года сравнивают с человеческой жизнью, то весну почему-то причисляют к юности. Нет, весна – это детство, сопливое, зареванное и обкаканное. Весна грязна, она только обещает урожай, готовится к цветению и росту, а порой любви становится по нужде, чтобы те же птицы успели поставить птенцов на крыло до осени.

Надо быть молодым и незатейливым, чтобы у тебя кружилась голова от терпкого запаха набухающих почек, первых клейких листочков, от испарений подтаявшей земли. А тем, которым девяносто лет, видится лишь то, что есть на самом деле – сырость да слякоть.

Весенняя палитра безрадостна и скучна – голая черная земля, нагие деревья, переплетающиеся влажные ветви, бурая полеглая трава, запакошенные сугробы в тени. Долбит капель, плещут лужи, рассекаемые колесами авто, плюхают и чавкают сапоги да боты, выдираясь из липкой грязи.

Судоплатов усмехнулся своим мыслям – точно, как дед. Хотя почему – как? Дед и есть. Это организму его еще и сорока нет, а душа скоро век разменяет. Ну, не скоро еще...

Павел незаметно вздохнул, глядя в окно на здание кремлевского Арсенала. Поскребышев за его спиной еле слышно переговаривался с полковником Логвиновым, всегда ходившим в штатском. В простенке между окнами стоял стол генерала Власика, ныне пустовавший, – начальник охраны отбыл по делам.

Оперевшись о подоконник, Судоплатов едва сдержался, чтобы не подышать на стекло. Так сколько ему?..

– Проходите, товарищ Судоплатов.

По-прежнему улыбаясь, Павел кивнул и вошел в комнату офицера охраны. Полковники Пономарев, Горбачев и Харитонов находились тут, напоминая добродушного с виду трехглавого Змея Горыныча. Именно что с виду – любому супостату дадут укорот.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал Судоплатов и сдал трофейный «Вальтер».

Три головы разом кивнули: проходите.

Толкнув створку, Павел переступил порог сталинского кабинета.

Стены, обшитые высокими дубовыми панелями, длинный стол для заседаний, на стенах – портреты Ленина и Маркса, Суворова и Кутузова. В кабинете стояла тишина, перебиваемая отчетливым стуком маятника, отсчитывавшего секунды бытия.

Сталин сидел за столом, погруженный в чтение. Павел лишь мельком заметил листы серой бумаги, клейменные орлом, закогтившим свастику. Бросалась в глаза готическая вязь заголовков. Судоплатов ощутил легкий холодок, опознав творения Хмыря.

Он не испытывал страха, поскольку вранья в документах не имелось, да и Хмырь был настоящим мастером. Морозило чувство ответственности, но ему ли привыкать?

Приход визитера не остался незамеченным – закрыв папку, Иосиф Виссарионович поднялся из-за стола и вышел навстречу.

– Здравствуйте, товарищ Судоплатов.

– Здравия желаю, товарищ Верховный главнокомандующий.

– Эх вы, по-военному! – усмехнулся вождь.

– Вживаюсь в роль, товарищ Сталин, – наметил улыбку Павел.

Сталин кивнул и, усадив за стол Судоплатова, стал прохаживаться по кабинету – засиделся.

– Мы ознакомились с предоставленными вами документами, – неторопливо проговорил вождь, – и уже сделали выводы. Тут до вас было людно, целый взвод генералов и маршалов пожаловал. Мы постарались донести до них мнение противника, и многих проняло. Товарищи Тимошенко и Малиновский, на бездействие которых рассчитывали господа фон Бок, Паулюс и Клейст, поклялись, что не позволят врагу вести перегруппировку войск, готовясь к контрудару, а Юго-Западный фронт не будет наступать изолированно от Южного. Там много что говорилось, но это, полагаю, самое важное.

Судоплатов кивнул.

– Да, товарищ Сталин. Я не стратег, мне просто за державу обидно. Я не хочу, чтобы те ошибки, которые допускались нашими полководцами в прошлом году, повторились и в этом. Ныне ставки очень высоки, а хорошее взаимодействие отдельных подразделений и армий – это, по сути, единственное преимущество вермахта перед Красной Армией. Так не пора ли его лишить этого преимущества?

– Мы согласны с вами, товарищ Судоплатов, – кивнул Сталин. – Пора. Давно пора. Правда, товарищ Тимошенко поспорил с немцами, так сказать. Он утверждал, что действия противника будут исключительно оборонительными. Следовательно, боевые порядки дивизий эшелонировать не нужно, ни вторые эшелоны, ни резервы не потребуются.

– А что товарищ Тимошенко станет делать, когда немцы прорвут фронт и повалят к Волге? – немного резче, чем следовало, сказал Павел. – Глубина тактической обороны не превышает трех-четырёх километров, на фронт протяженностью почти в двести верст построено всего одиннадцать километров проволочных заграждений! А немецкая операция «Фредерикус» как раз и предполагает нанесение контрудара! И что будет делать товарищ Тимошенко, когда танки Клейста ударят нам в тыл, отрежут пути отступления, окружат наши части? Застрелится? Так нам от того легче не станет!

Вождь весело хмыкнул.

– А вы не такой уж холодный, каким хотите казаться, товарищ Судоплатов, – сказал он. – Не волнуйтесь, мы внушили товарищу Тимошенко необходимость создания глубоко эшелонированной обороны. Оборонительные сооружения и инженерные заграждения создаются ударными темпами. Спасибо еще раз, товарищ Судоплатов, за хорошую работу, но я хотел бы поговорить с вами не о тех ценных документах, с которыми уже ознакомился, а о вашей записке, где вы обращаете внимание на «преступную пассивность» адмирала Октябрьского...

Судоплатов пренебрежительно пожал плечами.

– Какой из него комфлота, товарищ Сталин, если корабли отстаиваются в гаванях? Почему их главный калибр не обстреливал захваченные немцами Николаев и Одессу? Приморская армия специально оставила Одессу, чтобы преградить немцам путь в Крым, и красноармейцы до сих пор держатся⁶, но чем занимался флот? Ставил мины! От кого, спрашивается? Во всем Черном море нет ни единого немецкого корабля, разве что румынская канонерка болтается в устье Дуная, опасаясь удалиться от берега. Пока что на минах подорвалась пара наших собственных судов! Не знаю, о чем думает нарком Кузнецов, я его уважаю, но остаюсь при своем мнении – дальнобойная корабельная артиллерия, в отсутствие судов неприятеля, должна поддерживать с моря сухопутные силы, а не болтаться в портах приписки!

Сталин кивнул.

– Нарком Кузнецов прибудет к вечеру, и мы с ним все обговорим, – сказал вождь. Подумав, он добавил: – Мне по душе ваша позиция, товарищ Судоплатов, и... хочу поблагодарить вас за Василия. Нашлись доброхоты, сообщили, как вы что-то жестко выговаривали Васе...

⁶ В нашей реальности немцы заняли Крым в октябре 1941 года.

Судоплатов усмехнулся:

– Вряд ли это можно было назвать выговором, товарищ Сталин. Просто мужской разговор. Я сказал Василию, что он должен гордиться своей фамилией, а не позорить ее. Что не ему надо искать опору в отце, а отцу чувствовать, что на крепкое и надежное плечо сына можно опереться. Простите, товарищ Сталин, я, наверное, вторгся в область, куда посторонним ходу нет...

– Нет, товарищ Судоплатов, государственный деятель принадлежит государству, то есть народу. И я не зря затеял этот разговор – Василий бросил пить! Он помирился с женой и, кажется, взялся за ум. Сказал как-то, что постарается заслужить свое неоправданно высокое звание к концу войны... Да, чуть не забыл. Вы встречались с Катуковым?

– Так точно, товарищ Сталин. Обсуждали тему создания танковых армий. Чтобы танки показали всю свою мощь, в бой, в прорыв надо бросать сотни бронемашин! Лишь тогда выйдет толк. А это уровень даже не танковых корпусов, а именно армий. Что до Катукова, то он не просто хороший танкист, у него к этому талант.

Вождь кивнул.

– Я вызывал его к себе на дачу. Генерал-майор Катуков назначен командиром 1-го танкового корпуса и тоже уверен, что корпус тесен для «тридцатьчетверок» и «КВ». Я обнадежил этого «талантливого танкиста» – сказал, что 1-й танковой армией командовать будет тоже он. Просто надо иметь терпение... И вам тоже, товарищ Судоплатов.

– Так точно, товарищ Сталин.

– До свидания... товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга.

* * *

Как и «в прошлой жизни», Красная Армия начала наступление в Донбассе 12 мая. Судоплатов не искал в этом скрытый смысл, поскольку все объяснялось простейшими причинами – кончилась весенняя распутица, подсохла степь, стали проходимыми дороги, вот и пришла в движение РККА.

Но были и различия, заметные одному Павлу.

К северу от Харькова, с рубежа Белгород – Волчанск, наступала не одна лишь 28-я армия, но еще и 5-я, и 26-я, уцелевшие при осаде столицы УССР и вовремя выведенные из Киевского укрепрайона.

Южнее Харькова прорвали немецкую оборону 6-я, 57-я и 9-я армии. Общей задачей наступавших советских войск было окружение 6-й армии вермахта в районе Харькова.

В этом «отцам-командирам» помогали 3-я, 4-я и 5-я танковые армии, несколько танковых корпусов, 2-я и 8-я воздушные армии.

Войскам Южного фронта удалось рассеять 17-ю армию вермахта и связать боями 1-ю танковую армию Клейста.

Подвижные войска РККА глубоко вклинились в линию обороны противника, с севера и юга охватывая харьковскую группировку немцев.

«Доблестный вермахт», обороняясь ограниченными силами на ростовском и ворошиловградском направлениях, развивал контрнаступление на Изюм. Задумка была простой – продолжая наступать в направлении на Балаклею, рассеять оборону советской 9-й армии и соединиться с частями 6-й армии генерал-лейтенанта Паулюса.

Вплоть до 17 мая части 1-й танковой армии Клейста пробивались к Харькову, 4-я танковая (Гот) наступала на Воронеж. Невероятными усилиями немецкие танки были остановлены, чему помог знаменитый приказ «Ни шагу назад!».

Тяжелые бои на Брянском, Юго-Западном и Южном фронтах продолжались до самого лета. 30 мая харьковская группировка противника была окружена. В помощь Паулюсу были

переброшены части 11-й армии фон Манштейна и 4-го воздушного флота люфтваффе, а также союзники Рейха из Италии, Венгрии и Румынии. Однако это не помогло – 3-я румынская армия генерала Думитреску была рассеяна в течение двух дней. Итальянская 8-я армия генерала Гарибальди продержалась четыре дня, после чего «макаронники» сдавались целыми дивизиями.

РККА несла огромные потери, но и немцам доставалось по полной. 51-я Отдельная и Приморская армии, воспользовавшись ослаблением немецкой группировки войск в Крыму, перешли в наступление, отбив Симферополь и выйдя к Армянску.

Громадную поддержку советским войскам на Донбассе оказали партизаны, объявившие тотальную войну немцам на Украине. Воинские эшелоны, шедшие из рейха, пускались под откос, расстреливались из пушек, подвергались бомбежкам. Дошло до того, что бомбовозы «Юнкерс-88» из 1-го партизанского смешанного авиаполка совершили налет на нефтепромыслы Плоешти.

17-я армия вермахта в первых числах июня начала отступление к югу в направлении Сталино, но попала в окружение 9-й и 18-й армий Южного фронта.

14-й армейский корпус, подчиненный Клейсту, был остановлен в районе Чугуева, где полный разгром потерпели две элитные моторизованные дивизии СС – «Викинг» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». После этого 1-я танковая армия оставила свои позиции, смещаясь к Азовскому морю, ближе к линиям снабжения.

Судоплатова все эти события, героические и трагические, не приводили в изумление, а просто радовали. Да и чему удивляться? Ведь даже «в прошлой жизни» Харьков окружало вдвое больше войск, чем в Сталинградской битве! Тогда Красная Армия лишилась победы благодаря глупости и нерешительности Тимошенко, Баграмяна, Хрущева. Даже Малиновский, способный полководец, проявил себя в те дни с худшей стороны.

Правда, весь месяц май Павел Анатольевич следил за успехами РККА по сводкам Совинформбюро, да и то время от времени – ту самую партизанскую войну на Украине вел именно он, комиссар госбезопасности 3-го ранга, начальник IV управления НКВД⁷, командующий 1-й партизанской армией.

Из записок П. А. Судоплатова:

«В годы войны мне приходилось принимать участие в разработке решений по военным вопросам. Особенно важными в этом плане были мои контакты с начальником штаба ВМС адмиралом Исаковым и офицерами Оперативного управления Генштаба.

В августе 1942 года Берия и Меркулов поручили мне экипировать всего за двадцать четыре часа 150 альпинистов для ведения боевых действий на Кавказе. Как только альпинисты были готовы к выполнению боевого задания, Берия приказал мне вместе с ним и Меркуловым несколькими транспортными самолетами вылететь из Москвы на Кавказ. Перелет был очень долгий. В Тбилиси мы летели через Среднюю Азию на «С-47», самолетах, полученных из Америки по ленд-лизу. Наши операции должны были остановить продвижение немецких войск на Кавказ накануне решающего сражения под Сталинградом. Первую посадку мы сделали в Красноводске, затем в Баку, где полковник Штеменко, начальник кавказского направления Оперативного управления Генштаба, доложил об обстановке. Было решено, что наше специальное подразделение попытается блокировать горные дороги и остановить продвижение частей отборных альпийских стрелков противника.

Сразу после нас в Тбилиси прибыла группа опытных партизанских командиров и десантников, руководимая одним из моих заместителей, полковником Михаилом Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию и нанесли им тяжелые потери перед нача-

⁷ IV управление – партизанское, зафронтовое (разведка, террор и диверсии в тылу противника).

лом готовящегося наступления. В то же время альпинисты взорвали цистерны с нефтью и уничтожили находившиеся в горах моторизованные части немецкой пехоты...»

Глава 5

Западненцы

Украина, Цуманские леса, урочище Лопатень. 7 мая 1942 года

Первые отряды 3-й ОМСБОН переправлялись за линию фронта с начала апреля. Это были маленькие мангруппы – маневренные группы, они просачивались сквозь передовую, минуя немецкие части, и растворялись в лесах.

Не все мангруппы соглашались топтать пешком, частенько гитлеровцы лишались грузовиков, пропадали даже навороченные «Хорьхи» для генералов. А отряд «Варяги» и вовсе отправился на поезде, угнав немецкий паровоз с парой вагонов и цистерной, полной синтетического бензина.

Ничего, как выяснилось, тягачи и танки жрали синтин с удовольствием.

Забрасывали мангруппы и по воздуху, и все они сбредались на Западной Украине, в глуши, среди просторов Західного партизанского края, где шумели Мазурские, Сарненские, Цуманские леса.

По пути туда разведывательно-диверсионные отряды избегали боестолкновений с немцами, дабы не усложнять продвижение своим соратникам.

Мангруппы с самого начала создавались как начальствующие ядра – они встраивались в партизанские отряды и бригады, организуя их в слаженные подразделения, искореня атаманщину, внедряя дисциплину. Похоже было на толпу новобранцев, к которым являлись офицеры, строили тех, гоняли и обучали, а после вели в бой. При этом редко когда приходилось заменять прежних командиров – те, как батяня Минай из Суражского партизанского края, часто являлись стратегами-самородками, обладавшими авторитетом среди местных.

Сместить такого означало бы нанести вред общему делу.

Судоплатов добирался до Цуманских лесов на «Юнкерсе», затаренном бензобаками. Немцы «свой» бомбер не трогали, хотя разок и поднимали в небо пару «мессеров», интересуясь, кого это там несет в сторону от фронта. На этот случай имелся «Дуб» – здоровенный австриец-шницбундовец по фамилии Добрицгофер, из отряда «Победители». Он занимал место радиста, сидя рядом с Женей Трошкиным, только ниже, и обстоятельно, на берлинском диалекте, развенчивал подозрения пилотов люфтваффе, доверительно намекая на важного чина, восседавшего за штурмана-бомбардира.

Все четыре члена экипажа «Ю-88» размещались в кабине перед крылом и глядели на мир через решетчатую раму фонаря, не зря прозванную «жучиным глазом».

Пилот – капитан Четверкин – располагался слева, штурман-бомбардир – комиссар Судоплатов – сидел внизу. Бортинженер – майор Трошкин – пристроился за пилотом лицом назад, а радист, в случае чего, мог спуститься еще ниже, в подфюзеляжную гондолу с пулеметной спаркой.

Самым сложным оказался не перелет, а получение допуска от Берии. Нарком был категорически против личного участия Судоплатова в партизанской войне, и Павлу потребовалась масса изобретательности, чтобы добиться разрешения.

«Попробуйте только погибнуть, – мрачно пошутил Лаврентий Павлович напоследок. – Расстреляю!»

Судоплатов усмехнулся. Он прекрасно понимал наркома. Окажись в руках гитлеровцев такой носитель сверхсекретной информации, как начальник IV управления НКВД, многим пришлось бы очень плохо.

«Легкомысленный ты человек», – вздохнул Павел.

С другой стороны, сдаваться живым он не собирался, поскольку понимал долю своей ответственности, а пытки кому угодно развяжут язык.

Ко всему прочему, его личное участие было необходимо не только для «сверки стратегии», но и ради моральной поддержки бойцов «теневого» РККА. Партизаны и разведчики-диверсанты должны знать, что их командующий не отсиживается в далекой и безопасной Москве, а находится рядом с ними, пусть даже и не «впереди, на лихом коне».

Это здорово упрочивает связность.

Было у Судоплатова и еще одно оправдание – необъятность просторов Родины. Оккупанты просто не в состоянии расположить повсюду внушительные гарнизоны для борьбы с партизанами, им для этого не хватит никаких людских резервов. Немцы отхватили такой кусок чужих земель, что совладать с ним не способны, а земли эти отнюдь не распаханы да ухожены, как в Европе, где чувствуется нехватка «жизненного пространства». Тут куда больше лесов да болот, включая благодатную Украину. Короче говоря, есть где затеряться партизанской армии!

– Подлетаем! – сообщил невозмутимый Четверкин.

– А ты откуда знаешь? – улыбнулся Судоплатов. – Из меня штурман фиговый!

Пилот ухмыльнулся:

– Сориентировался! Сигнал пошел. А ночью я бы огни высматривал... Ага!

Тут Павел и сам рассмотрел узкую и плоскую луговину, скользнувшую под крыло. Луговина была изогнута этаким исполинской «галочкой», напоминая чертеж бумеранга. А вот и ракета взвилась, хлопнула, калясь изумрудно-зеленым светом.

– Приготовиться к посадке!

«Юнкерс» описал круг над секретным аэродромом и заскользил вниз, как на салазках с горы. Лес, немного кренясь, словно поднялся снизу, подхватывая самолет.

Толчок – и бомбовоз покатился с гулом и громоханием по стальным листам.

«Молодец Кочетков, все продумал!»

Самолет, ревя моторами, медленно развернулся, тулясь к лесу, и из зарослей выбежали партизаны, волоча на плечах свернутую маскеть.

В первых рядах встречающих Судоплатов узнал Дмитрия Медведева. За его спиной глыбился Николай Королев, чемпион по боксу в тяжелом весе, верный телохран «Мити».

Спрыгнув в траву, Павел тотчас же попал «в окружение». Первой полезла обниматься Марина Ких, и Судоплатов с удовольствием чмокнул радисточку в щечку. Промешкал – и дал себя облапить могутному Королеву.

– Прощайте, товарищи... – просипел Павел.

Тяжеловес хохотнул и выпустил командарма из медвежьих объятий. Судоплатов огляделся.

Сияющий Санька Творогов, основательный Федор Пашун, невозмутимый Дарбек Абдраимов, порывистый Серега Стехов, юркий Гриша Шмуйловский, неразлучный с представителем Альбертом Цессарским, смуглые Ривас и Хосе Гросс, киноголичный Коля Кузнецов, хитроватый Жорж Струтинский... Все свои!

– Пошли! – хлопнул Павел Медведева по плечу. – По дороге доложишь.

И они пошагали всей толпой, встречавшие и прибывшие.

– С самолетами пока худо, – вздохнул Дмитрий. – Четыре «мессера» позаимствовали, еще два в починке, на неделе, значит, будет шесть. Почти что эскадрилья, вот только толку от них... Разбомбить даже железнодорожный узел нечем. Наши «Юнкерсы», которые «лаптежники», их тоже шесть, в ремонте – попали под огонь зениток, еле возвратились. Пробовали вешать бомбы «Мессершмиттам» под крылья, а как их бросать без прицелов и прочего? Да и неохота было самолеты курочить... Они у нас всегда в полной боевой. Если фрицы заявятся нас самих бомбить, поднимем в воздух нашу авиацию, пообщипаем люфтваффе!

– Правильно, – кивнул Судоплатов. – Хоть самолеты и трофейные, а ломать их не стоит. Пригодятся в хозяйстве. Тут занятная инфа пришла, то бишь информация – немцы собрались перегонять под Ровно группу «Юнкерсов» и «Мессершмиттов». Аэродром там вроде как маленький, вот и надо будет хотя бы бомбардировщики... того... экспроприировать. Ты как?

– Я «за»! – встрепенулся Медведев и улыбнулся: – А чего вы спрашиваете, товарищ командующий? Приказывайте!

– Не привык, Митя! Чего смеетесь? Кстати, а летунов у вас хватит?

– Да их у нас даже больше, чем нужно! Мы аж на три лагеря для военнопленных напали – под Киевом, в Фастове, в Виннице. Сейчас у нас сотни три летчиков и танкистов! Им бы еще матчать... Нет, вы не думайте чего, семь танков мы отбили, причем две «тридцатьчетверки» – немцы их оприходовали, кресты намалевали. Так что «броня» у нас есть. Артиллерия опять-таки имеется – более ста орудий! Зенитные, противотанковые, гаубицы. Правда, расчеты не полные, тут нехватка.

– Это ничего. Я там, «по знакомству», артиллеристов вытребовал на целую батарею.

– Вот это славно! – обрадовался Дмитрий.

– А со снарядами как?

– Вообще отлично! Склады забиты и патронами, и снарядами, и минами, и даже бомбами! Мы и горючего натаскали, изловчились – приперли железнодорожные цистерны в овраг, засыпали сверху... Тонн двести есть, и бензина авиационного, и синтетического, для танков. Провизией опять-таки, запаслись.

– Молодцы, – кивнул Павел. – Кстати, поздравляю, товарищ Медведев, вы назначены командующим 2-й Украинской партизанской дивизией.

Николай Королев довольно крикнул.

– Ух, ты! – пискнула Ася Краснобаева.

– Служу Советскому Союзу! – вытянулся Медведев.

– И правильно делаешь, Митя, – улыбнулся Судоплатов.

Все рассмеялись, и Дмитрий Николаевич расслабился.

– Неожиданно как-то, – смутился он.

– Ну, не все ж тебе опергруппой командовать. Пора на повышение. В принципе, для тебя мало что изменится, партизанская дивизия – она и есть партизанская, общего построения не будет. А действовать она станет малыми маневренными группами, разбитая на отряды и бригады. Поэтому нам потребуются опытные радисты, ну и радиостанции, конечно. Немцы на них богаты...

– А мы уже захватили несколько машин радиофицированных, – вставила свое слово Марина Ких. – Командирских, наверное. Бронированные они, и с пулеметами.

– Ну, если с пулеметами, тогда ладно! Так, еще что я хотел сказать... Из Спадщанского леса, это на Сумщине, к нам вышла 1-я Украинская партизанская дивизия⁸ Сидора Ковпака. Сидор Артемьевич шороху навел на востоке, теперь двинулся в Карпатский рейд. Дивизия его продвигается отдельными отрядами и батальонами, а всего с ним тысяч двенадцать человек, да как бы не больше. По слухам, к партизанам Ковпака присоединились казахи из «туркестанского легиона», который сколотили немцы из военнопленных. Судя по времени, дивизия уже форсировала Припять.

– Примем, – широко улыбнулся Медведев, – леса у нас большие!

Из записок П. А. Судоплатова:

«После оккупации Польши немецкими войсками наша армия заняла Галицию и Восточную Польшу. Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения,

⁸ В нашей реальности дивизия получила имя дважды Героя Советского Союза С. Ковпака.

которому оказывали поддержку такие лидеры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус.

Мою жену направили во Львов вместе с Павлом Журавлевым, начальником немецкого направления нашей разведки. Мне было тревожно: ее подразделение занималось немецкими агентами и подпольными организациями украинских националистов, а во Львове атмосфера была разительно не похожа на положение дел в советской части Украины.

Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, ОУН действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности, которого, увы, не было у «команды» Серова, хрущевского помощника. Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост; они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и... в сапогах, что выдавало в нем военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой «пустяк», как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать...»

Глава 6

Налет

Украина, Ровенищина. 10 мая 1942 года

Урочище Лопатень было аккуратно застроено землянками и настоящими избами, приземистыми складами, гаражами, сараями – это был настоящий партизанский город, скрытый под плотной хвойной завесой.

Сотни людей наполняли лес смутным говором, и все были заняты – звенели ковали на кузнице, водители прогревали моторы, артиллеристы, недавно прибывшие с Большой земли, обучали рядовых партизан обращению с орудиями.

Едва поспевая здороваться, Судоплатов прошел в штаб – просторную землянку, где было накурено, а вокруг крепкого стола, выскобленного до желтизны, собрались командиры партизанских бригад и мангрупп 3-й ОМСБОН.

– Здравствуйтесь, товарищи! – сказал Павел, жестом усаживая подскочивший комсостав. Заняв свое место, он продолжил: – Собираться часто у нас не получится, поэтому давайте обсудим основные вопросы, а всю текучку будем решать с помощью наших радистов. А главный вопрос таков: необходимо развернуть тотальную войну в немецком тылу, чтобы поддержать нашу Красную Армию на Донбассе и под Харьковом. Хочу, чтобы вы поняли, насколько для нас всех важна победа. Если мы проиграем сражение на Харьковщине, немцы прорвут фронт, двинутся на Кавказ за нефтью, дойдут до Волги – и нам самим перекроют все пути доставки нефти из Баку. Что это будет значить? А это будет значить остановку всех самолетов и танков – их попросту нечем будет заправлять! Можете сами себе представить, что будет твориться на фронтах.

Собравшиеся сдержанно зашумели.

– Поэтому, – повысил голос Судоплатов, – нам обязательно нужно победить! Как обеспечить нашу общую победу здесь, в тылу противника? А громить этого противника! 1-я Украинская партизанская дивизия уже занялась этим, двигаясь к нам. Двадцать четыре бригады из 2-й партизанской армии – это в Белоруссии – готовятся к блокаде немецких коммуникаций. При этом 2-я Дриссенская бригада им. Калинина, Освейская им. Фрунзе и 2-я Полоцкая будут взаимодействовать с 1-й партизанской армией на ее северном фланге. Конкретные боевые операции прописаны в приказах за моей подписью, вы их получите и ознакомитесь. Скажу в общем: немцы на Донбассе не должны получить подкреплений! Необходимо полностью сорвать снабжение 1-й танковой армии Клейста и 6-й армии Паулюса. Будем пускать под откос железнодорожные составы, взрывать мосты, уничтожать немецкие гарнизоны! Только желательно делать это избирательно – так, чтобы немцы «снабжали» нас самих. Если есть возможность, не подрывайте танк, а уводите его. Или самолет. Или грузовик с орудием на прицепе. В хозяйстве пригодится!

По штабу прошли смешки.

– А здешним хозяевам, я имею в виду 2-ю дивизию, надо будет встретить авиационную группу из Германии. Нам самолеты нужны!

Отряды Струтинского и Прокопюка занимают аэродром, артиллеристы и отряд Творогова устроят засаду вот здесь, – Судоплатов ткнул пальцем в карту. – Немцы тоже проявляют бдительность, они выслали усиленную охрану. Вот мы их и встретим. Вопросы есть? Вопросов нет.

* * *

...Вызывая, пули сбивали хвою над самой головой Судоплатова, и он вжимался в траву за крохотным бугорком, мечтая, чтобы тот вырос в здоровенный вал, в крепкую стену, желательно бетонную...

Множественный треск винтовок покрывался гоготаньем пулеметов. Изредка прорывался сухой кашель «шмайссеров», доносились одиночные выстрелы из табельных «ТТ» и трофейных «Вальтеров».

Засада удалась, вот только немцы не сдавались, сопротивлялись отчаянно – черное воинство СС было осведомлено, что партизаны не жалуют карателей.

Высунувшись на мгновение, Павел выстрелил и мигом откатился в сторону. Бугорок тут же зафонтировал пылью, угодив под короткую очередь.

– Товарищ комиссар! – послышался крик.

Судоплатов обернулся. К нему подползал Кочетков, прозванный «начальником аэродрома». За ним, шевеля коробчатым «горбом» рации на спине, полз радист.

– Ну, что?

– Летят, товарищ комиссар!

– Ат-глично! Будь на связи. И не высовывайся!

– Есть!

Воспользовавшись не шибко длинной промоиной, Павел добрался до крепкой, кряжистой сосны, вцепившейся корнями в каменистый пригорок. Отсюда открывался неплохой вид на поле боя.

Немцы подъехали на четырех грузовиках и одном штабном автобусе, пустив впереди целую свору мотоциклов. Надо полагать, чувствовали они себя в безопасности, находясь под солидной охраной, – колонну сопровождали три танка и столько же полугусеничных «Ганомогов».

Тяжелый «Т-IV» подорвался на mine, среднему «Т-III» вцепила пару бронебойных партизанская артиллерия, а еще одна «тройка» продолжала буянить. Танк ворочал башней, рассылая снаряды по лесу, – гулкие взрывы ломали деревья и шугали птиц.

Видимо, экипаж машины боевой здорово перетрусил, отчего малость ошалел. Вот и слал боеприпас куда попало.

Или озлобились танкисты. И решили «подбить» хоть одного партизана.

Грохнула пушка – это работал расчет сержанта Шорина, молодого, но глазастого артиллера. «Ганомог», завывая мотором и лязгая гусеницами, как раз объезжал подбитую «четверку» – закопченная башня перекошена, орудие уткнулось в кусты, из люка свисает немецкий танкист, – и снаряд вцепился прямо в кабину броневику. Обычный осколочно-фугасный, но хлипкая «ганомоговская» броня была ему нипочем – взрывом разворотило кабину, просадило кузов.

Пулемет, паливший оттуда почти без остановки, тут же смолк – некому стало палить.

Танковое орудие выдуло блеск огня и клубы подсвеченного дыма. Снаряд прошелестел мимо, разорвав комель сосны. Бедное дерево покосилось, застревая между стволов, а Шорин ударил бронебойным.

Калибр был так себе, но гусеницу снаряд порвал и ведущее колесо покурочил. Танк дернулся, распуская «гусанку», зарываясь катками в мягкую землю – и подворачиваясь бортом.

Туда-то и отправили партизаны-пушкари следующий подарок.

Болванка вошла в корпус «тройки», как гвоздь в трухлявое дерево. Танк замер, застыл, а в следующую секунду его угловатая башня вздыбилась на порыве бешеного пламени – рванул боекомплект.

Воздушная волна пронеслась, клоня траву, и все стихло, как будто гибель последнего танка была сигналом прекратить огонь. Затихли пулеметы. Хлопнули пару раз немецкие карабины и смолкли. Сухо, немощно, несерьезно даже, прозвучал выстрел из пистолета – то ли контрольный, то ли себе в голову.

– Защищаем! – донесся крик Творогова.

Снова поднялась стрельба, но палили разрозненно, без горячки, деловито даже. Добивали.

– Товарищ комиссар!

– Уделали? – откликнулся Судоплатов.

– Так точно!

– Молодцы. Живо укрывайте танки! И погасите огонь – люфтваффе не должно видеть следов боя.

– Есть!

Павел выбрался к дороге и зашагал к обширному полю, чья зеленая плоскость проглядывала между молодых елочек.

Товарищ комиссар... Судоплатов усмехнулся.

«В той жизни» он получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга лишь в 43-м. Растешь, Павел Анатольевич!

Бойцы из 2-й Украинской партизанской дивизии белозубо щерились, попадаясь навстречу, и неумело козыряли, кидая руку то к фуражкам, то к обычным кепкам. Судоплатов улыбался и кивал в ответ.

Сколотить партизан в бригады и дивизии, усилить их разведчиками-диверсантами из 1-й и 2-й ОМСБОН – это было трудное, но живое, интересное дело. А уже набирают первые отряды 4-й Отдельной мотострелковой...

Значит, уже этим летом он развяжет настоящую войну в тылу врага! Все идет по плану.

– Товарищ комиссар!

Это радист догонял его неуклюжей пробежкой.

– Ась? – ворчливо, по-стариковски, отозвался Павел.

– Они уже близко!

– Понял. Переодеюсь!

– Есть!

Судоплатов прибавил ходу. Ворота стояли распахнутыми, бойцы споро выносили убитых немцев из дощатых сарайчиков и брезентовых палаток – это был передовой аэродром люфтваффе, и постоянных сооружений, вроде ремонтных ангаров, здесь не строили.

Зато взлетно-посадочная полоса была хороша – она тянулась вдоль просеки длиной в две тысячи метров и вся была выложена шестиугольными плитами, сколоченными из дерева.

Павел оглянулся.

– Клаус! Готовьтесь.

– Готовы, товарищ комиссар! – осклабился Рихард Клаус, «белокурая бестия» из Маркшпата, что в Саратовской области.

Клаус был упакован в немецкую форму, со всеми онерами и причиндалами гауптмана. Следом за ним перетапывался целый взвод рядовых люфтваффе и унтер-офицеров.

Великан Приходько выдал «товарищу комиссару» серо-синий мундир оберста – был тут такой, начальствовал давеча. Медведев ликвидировал его аккуратно, одиночным в переносицу, чтобы форму не запачкать.

– Вы побачьте – усэ чистэнько та гладенько, – прогудел Приходько.

– Верю, Микола, – улыбнулся Павел.

Быстро переодевшись, он вышел на поле.

Сюда, под Ровно, командование 4-го воздушного флота люфтваффе перегоняло смешанную группу самолетов – эскадрилью бомбардировщиков «Юнкерс-88» и две эскадрильи «Мессершмиттов».

– Клаус, по местам. Начинаем!

– Летят! – донеслись крики. – Летят!

– Все по местам!

Множественный гул накатывал из-за леса на западе, и вот над пильчатой стеной ельника показались «мессеры».

Взвились зеленые ракеты: милости просим!

Немецкие истребители сделали круг над аэродромом и пошли на посадку. Вот по ВПП прокатилось первое звено.

Гудя и блистая пропеллерами, самолеты вырулили к капонирам. На снижение пошли двухмоторные бомбовозы.

«Юнкерсы» садились налегке – касались колесами дощатых панелей, пускали дымок, сворачивали, грузно покачивая крыльями – как ни ровняли поле, а мелкие впадинки да колдобинки все равно оставались.

– Все сели? – процедил Судоплатов.

– Все вроде! – бодро ответил Кочетков.

– Вроде или точно?

– Вроде точно...

Немецкие летчики спокойно брели по стриженной траве, помахивая шлемами да похихатывая. В обратном направлении, к самолетам, тронулись заправщики и грузовики с бережно уложенными бомбами. Техники из группы Клауса весело переговаривались на «хох-дойч», хотя это и был перебор – пилоты люфтваффе их просто не замечали, в упор не видели.

Группенкоммандер вытянулся перед Судоплатовым, представился майором Зеппом Шнауфером и сипло пролаял что-то о завершении перелета и службе во славу Рейха. Павел понимал его с пятого на десятое, досадуя на нехватку времени, – надо бы серьезно подтянуть языковые навыки.

– Зиг хайль!

– Зиг хайль. Битте...

Группенкоммандер отвесил короткий поклон и направился, куда ему было указано – в штаб. Приходько уже поджидал Шнауфера. Задавить майора для него не составило бы труда, но Зепп нужен был живым.

Проводив глазами группенкоммандера, Павел кивнул Лукину, потешно выглядевшему в форме немецкого унтера:

– Разоружить, раздеть, разуть...

– ...И расстрелять! – понятно заключил «унтер».

Судоплатов кивнул и коротко выдохнул. Вроде все шло штатно.

Раздалось несколько скупых очередей, донесся одинокий крик...

Несколько минут, и кадровый состав люфтваффе сократился человек на шестьдесят.

– «Маляры» где?

– Здесь, товарищ комиссар третьего ранга!

– Кресты и номера закрасить!

– Звезды малевать будем?

– Потом.

Из казармы потянулись советские летчики. Чуть ли не половина из них прибились к партизанам, когда выходили из окружения. Не все их товарищи успели выпрыгнуть с парашютом, да и среди успевших не всем повезло – кто ногу сломал, кто бок ободрал, а кто и вовсе к немцам угодил.

Прибежал Клаус и доложил:

– Шнауфер и еще один... Йорген... э-э... Простите, товарищ комиссар, запамятовал! В общем, оба прониклись. Разговорились – еле успеваем записывать!

– Сознательные товарищи, – усмехнулся Павел. – Рядовой состав?

– Пустили в расход.

Судоплатов кивнул и повернулся к Четверкину, буквально вчера назначенному командиром авиаполка.

Четверкин-в-небе был скор и резок, а вот Четверкин-на-земле отличался медлительностью, основательностью, спокойной плавностью движений.

Вот он поднес ладонь к фуражке и проговорил, еле удерживая на лице серьезное выражение:

– Пилоты 1-го партизанского смешанного авиаполка готовы выполнить любой приказ командования.

– Доволен? – улыбнулся Судоплатов.

Ухмылка Четверкина вышла еще шире.

– А то, товарищ комиссар! Еще утром – толпа «безлошадных», а сейчас – во!

Широким жестом он обвел аэродром. Павел кивнул.

– Заправляйтесь, вешайте бомбы, и вперед. Ваша цель – железнодорожный узел Здолбунов. Разведка донесла, что там скопилось много эшелонов, вот и «облегчитесь»! Только учтите: много времени на освоение новой техники я дать не могу.

– Не волнуйтесь, товарищ комиссар! Мы быстро!

«Мессеры» один за другим поднимались в небо, описывали круг над аэродромом и садились обратно. Одни пилоты вылезали, другие занимали их места. Круговорот летунов в природе.

Прошел какой-то час, и Ермаков зычно скомандовал:

– По самолетам!

Новенькие «Юнкеры» без опознавательных знаков с ревом отрывались от земли. Следом взлетали юркие «Мессершмитты».

Построившись девяткой, бомбовозы потянули на юг. Истребители сопровождали их, страхуя сверху и снизу.

Проводив глазами партизанскую авиацию, Судоплатов дал отмашку:

– По машинам!

Длинной колонной уходили трофейные бензовозы и тягачи – в кузовах они везли бомбы, снаряды и прочий огневой припас, а на буксире волокли зенитки «ахт-ахт».

Следом двинулись партизанские грузовики – сплошь «Опели» да «Бюссинги». И это тоже лежало в основе судоплатовского плана – следовало обеспечить партизанским бригадам и дивизиям максимальную автономность, наибольшую независимость от Большой земли, что пролегал за линией фронта.

Безусловно, и Ставка, и родимый НКВД будут подбрасывать спецов, лекарства, оружие, но много ли «гостинцев» перетащишь по воздуху? А ведь железнодорожный состав в глубокий тыл противника не отправишь, вся надежда на самолеты.

Но Павел правильно сказал на штабе: надеяться надо только на себя! У них под боком масса немецких складов, станций, аэродромов. Там их ждут авто и танки, пушки и снаряды, продукты и много чего еще, награбленного или с клеймом «Сделано в Германии». Остается только взять...

...Длинная колонна углублялась в Сарненские леса, пересекая незримую границу Захидного партизанского края.

Туда немцы соваться не рисковали. Попытки, конечно, были, но после того, как несколько крупных соединений карателей потерпели полный разгром, гитлеровцы избегали

лесов. Конечно, регулярные налеты продолжались – люфтваффе бомбили дебри, плюхая фугаски в болота, но большой беды не приносили.

Ныне ситуация сложилась такая, что в Берлине заходились от злобы – в немецком тылу росла и крепла «теневая» Красная Армия, разрозненные партизанские отряды сливались в бригады, бригады – в дивизии.

К весне 42-го можно было пройти от Ровно до Ленинграда, путешествуя от одного сельсовета к другому. Только пересечение дорог и железнодорожных путей представляло собой опасность.

Пока.

Судоплатов, покачиваясь в кабине «Ганомага», довольно улыбнулся. «В прошлой жизни» он не смел и надеяться на подобный размах. Все шло к тому, что немцы скоро будут писаться со страху при слове «партизан». Будут задираить руки повыше и кричать «Гитлер капут!», чуть услышат треск веточки в подлеске.

А дальше будет еще интересней. Пора налаживать связи между отдельными партизанскими краями, сплачивать их воедино, образуя уже целые партизанские республики. То же и с вооруженными силами. Уже сформированы две партизанские армии. Мало, надо еще! А для этого требуется что? Правильно – авиация, артиллерия, танки. Этого добра у немцев достаточно, пора им поделиться с лесными жителями...

Все шло по плану.

Из воспоминаний П. А. Судоплатова:

«Сталин так был заморожен мощным разрушительным потенциалом атомной бомбы, что в конце октября 1942 года предложил дать кодовое название плану нашего контрнаступления под Сталинградом – операция «Уран». Во всех идеях и предложениях у него всегда присутствовал этот внутренний мотив, непонятный собеседникам.

Получив от НКВД доклад о первой цепной ядерной реакции, осуществленной Ферми, Курчатов обратился к Первухину с просьбой поручить разведывательным органам выяснить ряд важных вопросов о состоянии атомных исследований в США.

В связи с этим под моим началом была создана группа «С» (группа Судоплатова), которая позднее, в 1945 году, стала самостоятельным отделом «С».

Курчатов и ученые его группы часто бывали у Берии, обсуждая вопросы организации работ в соответствии с получаемой от НКВД информацией. Фактически Курчатов и Иоффе поставили перед Сталиным вопрос о замене Молотова Берией в качестве руководителя всех работ по атомной проблеме.

Обычно после посещения кабинета Берии на Лубянке Курчатов, Кикоин, Алиханов и Иоффе поднимались ко мне, где мы обедали в комнате отдыха, после чего они углублялись в работу над документами, полученными из-за границы...»

Глава 7

Запах нефти

Румыния, Плоешти. 11 мая 1942 года

В тот же день началась подготовка к другому налету – на нефтяные промыслы Плоешти. Немцы очень сильно зависели от румынской нефти, почему и рвались на Кавказ, а Роммель торопился добраться до Ирака. Шли на запах нефти.

Синтетический бензин выпускался в рейхе миллионами тонн, но, низкооктановый, он не годился в качестве топлива для самолетов. Волей-неволей приходилось тягать цистерны из Румынии, от «кондукатора» Антонеску.

Конечно, бомбежка не прекрывает поставки нефти вовсе, но создаст немцам большие проблемы. А в нынешней ситуации любой удар по врагу приносил дивиденды и бонусы, хотя бы в виде сохраненных жизней красноармейцев.

Кстати, в Кремле уже было решено ввести погоны со звездами, после чего в РККА появятся рядовые и офицеры. Так будет проще определять звание, а то, бывало, не знаешь, к кому обращаешься. Был и другой довод «за» – погоны восстанавливали преемственность Красной Армии, связь с былыми героями.

Но об этих делах Судоплатов вспоминал ненароком, отвлекаясь, чтобы успокоиться.

– Четверкин, – подозвал он негромко.

– Слушаю, товарищ командир!

– Не геройствуй там. Прилетели, отбомбились, развернулись и улетели.

– Так точно! – отчеканил комполка и добавил, уже не по уставу: – Да вы не волнуйтесь, товарищ командир, все будет как в аптеке.

– Надеюсь, – усмехнулся Павел. – Действуй.

– По самолетам!

Моторы «Юнкерсов» уже гудели, смыкая лопасти в сверкавшие круги. Один за другим бомбовозы выруливали на «взлетку», сверкая яркими звездами на крыльях, и брали разгон.

Гул двигателей переходил в рев, тяжелые машины поднимались в воздух и ложились на курс.

* * *

Анатолий Юрьевич Четверкин был счастлив. В июне 41-го он оказался одним из первых советских летчиков, сбивавших немецкие «мессеры» над Белоруссией. Четверкин помнил и оскорбительную наглость люфтваффе, когда такие вот «Юнкерсы» шли бомбить Минск без прикрытия – немцы надеялись, что Павлов и иже с ним сами загубят ПВО, лишь бы «не поддаваться на провокации».

Не вышло! Конечно, много самолетов погорело прямо на аэродромах, особенно было жалко новенькие «МиГи», практически не облетанные, выдвинутые поближе к границе. Мало было пилотов, способных по-настоящему использовать «мигари», но уж те, кто умел, валил «Мессершмитты» с небес на грешную землю.

«Юнкерсов», идущих на Минск, было много, не все из них посбивали летуны с зенитчиками, и Четверкину это долго не давало покоя. Он и сам горел, два раза его сбивали, но сразу из госпиталя Анатолий упорно возвращался в свой полк, занимая место в кабине нового истребителя.

Правда, целых полгода пришлось переучиваться, осваивать пикировщик «Пе-2» – командованию было виднее. «Пешка» была неплохим бомбером опять-таки в хороших руках. И вот, пригодился тот опыт – он сидит в кабине «Юнкерса». Краснозвездного «Юнкерса»!

У Судоплатова были сомнения насчет того, рисовать ли на крыльях звезды – дескать, немецкие самолеты с крестами были бы куда лучшей маскировкой. Да и при возможной встрече с противником можно было бы избежать боя.

Однако в Москве решили иначе – пускай-де население видит, что «сталинские соколы» летают даже в тылу. Что до пилотов люфтваффе, то они, мол, запутаются – звезды звездами, но самолет-то немецкий! Свой!

Так это будет или не так, покажет встреча, а пока Четверкин держал курс на Плоешти, как те гаденыши, что летели бомбить его Минск. И тоже без сопровождения!

У «Мессершмиттов» просто дальности не хватит...

– Клаус! Где летим хоть?

Клаус, занявший место штурмана-бомбардира, тут же отозвался:

– Подлетаем к Южным Карпатам. Вижу Брашов! Отсюда до Плоешти всего сотня кмэ!

– Понял. Радист!

– А?

– Бдишь?

– Бдю!

– Ну, бди-бди... Слушать всем! Я – «Толян»! К бою! Цель – нефтяные заводы «Континенталь Ойл». Их девять штук, надо постараться разбомбить хотя бы парочку. На цель выходим с востока, со стороны солнца. Внимание! Не ошибитесь с целью! Немцы понастроили два макета Плоешти! Делай, как я! Атака целей – одиночно, цели выбирать самостоятельно. При атаке не растягиваться, прикрывать друг друга. Выход после удара курсом на северо-восток. Сбор групп на маршруте. Перестроиться для атаки! Произвести боевое развертывание! Звеньям перестроиться в колонну!

Четверкин поглядел за частый переплет кабины – «Юнкерсы», шедшие «девяткой», начали расходиться клиньями, вытягиваться чередой.

А вот и Плоешти – дороги, железнодорожные пути, круглые «бочки» нефтехранилищ, дымящие трубы заводов. И десяток аэродромов. И десяток аэродромов заграждения.

Немцы берегли промыслы, в районе Плоешти было наткано тридцать зенитных батарей. Румыны тут держат шестьдесят стареньких, зачуханных самолетов, зато немцы перебросили сюда целую группу новейших «Мессершмиттов».

Четверкин вспомнил, как Судоплатов рассказывал о немецкой оккупации Греции. Эта страна была рейху ни к чему, и вся ее ценность сводилась к одному – не дать англичанам использовать остров Крит для налетов на Плоешти. А Югославию немцы удерживали, чтобы полностью обезопасить транспортировку нефти вверх по Дунаю.

В наушники задолбила немецкая речь, и Клаус тут же ответил – лениво, растягивая слова. Четверкин разобрал только что-то про «специальную акцию» и «маскировку».

– Разворот! Пошли! Пронин, твоя машина бомбит аэродром!

– Понял, командир!

Анатолий повел «Юнкерс» к корпусам завода «Астра Романья».

Самолет шел низко, и заводские корпуса, нефтебаки, склады, крекинговые установки, рельсовые пути, забитые цистернами, – все приблизилось, угрожающе и емко. Ну, хоть не макет...

– Потеряй еще сто метров! – крикнул Клаус. – Ага! Сброс!

Самолет вздрогнул, сразу облегчившись. Фугаски прошивали стены цехов и стенки баков, и вязкая нефть вспыхивала, жарко и чадно. К небу поплыл жирный черный дым.

– Цель накрыта!

– Выводи!

– Бомбы ведущего звена и нашего цель накрыли. Заднего... Есть! Загорелось! Там цистерны стояли...

– Внимание! Справа сверху вижу четыре «Морана-Солнье»! Выходят на нас.

Четверкин глянул. Приближалось звено стареньких «Моранов» с «Крестами Михая» на крыльях – по четыре голубых буквы «М» в желтой окантовке. Румыны!

Законцовки крыльев у румынских самолетов были выкрашены в желтый цвет, и поперек фюзеляжей, недалеко от хвостов, тоже желтели полосы – знаки принадлежности к союзникам Германии на Восточном фронте.

– Командир! Справа «мессеры»!

– По очереди! – процедил Четверкин.

«Юнкерсы» со звездами раскинули веера трассирующих пуль, жала румынские «Мораны» и «Харрикейны», немецкие «Мессершмитты».

На мгновение машина «Толяна» нырнула в чадный дым, клубившийся над развороченными корпусами нефтеочистного завода, стало темно, а когда вновь засиял свет, Четверкин увидел, как падавший «Моран» врежется в заводскую трубу.

Перед самой кабиной воздух прочертили малиновые трассеры, и тут же стрелявший «мессер» напоролся на трос аэростата, крутанулся, обламывая полкрыла, и закувыркался вниз. Тут же продолбила очередь снизу, отзываясь молоточками в бронеспинке.

– Радист! Живой?

– Да что мне делается...

– Маневр влево!

– Ближе, ближе!

– Заходят сверху и снизу!

«Юнкерс», встряхивая экипаж, полез в «горку». Сбоку промелькнул распластанный силуэт немецкого истребителя. Штурман-бомбардир не оплошал, всадил короткую очередь «мессеру» в брюхо.

– Готов, кажется... Точно, готов!

– Маневр влево!

Неожиданно открылся Плешти – дым отогнулся, словно занавес раздвинулся. И поперек яркой картинке прочертился траурный след – падал «Юнкерс», сверкая красными звездами. За ним тянулся густой шлейф, такой же черный, как дым над горевшими нефтепромыслами.

– Командир! Зайцева сбили!

Четверкин сжал зубы.

– Слушать всем! Уходим!

Партизанские бомбардировщики уходили к горам, забираясь в высоту, и лишь теперь опомнились немецкие зенитчики. Слева и справа, ниже «Юнкерсов», повисли хлопья разрывов.

Поздно, голубчики...

– Задание выполнено, – разлепил губы Четверкин. – Курс домой!

* * *

...Судоплатов долго маялся, ожидая прилета эскадрильи. Первым ее услышал Кочетков и тут же забегал, засуетился.

– Летят, летят!

Из-за леса вынырнули «Юнкерсы». Наши ли? Наши!

Павел нахмурился – улетало девять машин, вернулось семь.

Лишь только первый бомбовоз коснулся земли, загремел металлическими листами, как Судоплатов медленно зашагал по полю.

Командирская машина развернулась, заноса хвост, устраиваясь на стоянку, и показались пилоты.

Четверкин спустился первым, подошел, прикладывая ладонь к шлемофону, и глухо проговорил:

– Задание выполнено, товарищ командир. Экипажи Зайцева и Крюкова погибли.

Судоплатов крепко пожал ему руку.

– Вы могли все не вернуться, товарищ комполка. Отдыхайте пока, готовьтесь. Надо будет наведаться в Сарны, там скопилось много эшелонов – люди Ковпака подорвали мост, вот составы и задержались. Надо бы их... того... вскрыть.

– Вскроем, товарищ командир! – заулыбался Четверкин. – Так вскроем, что немцам аж жарко станет!

Из записок П. А. Судоплатова:

«Принято считать, что «холодная война» началась с известной речи Уинстона Черчилля в Фултоне 6 марта 1946 года, когда он впервые упомянул о существовании «железного занавеса». Однако для нас конфронтация с западными союзниками началась сразу же, как только Красная Армия вступила на территорию стран Восточной Европы. Конфликт интересов был налицо.

Ялтинское соглашение, где официально был зафиксирован послевоенный раздел мира между США, Англией и СССР, было обусловлено, как ни парадоксально, Пактом Молотова – Риббентропа. В этом договоре 1939 года, как теперь говорят, не было высоконравственных принципов, но он впервые признавал СССР великой державой. После Ялты Россия стала одним из центров мировой политики, от которого зависели будущее всего человечества и судьбы мира.

В наши дни многие аналитики указывают на близость Сталина и Гитлера в их подходе к разделу мира, Сталина ожесточенно критикуют за то, что он предал принципы и нормы человеческой морали, подписав пакт с Гитлером. При этом, однако, упускают из вида, что Иосиф Виссарионович подписал тайные соглашения и протоколы о разделе Европы с Рузвельтом, Черчиллем и Трумэнном...»

Глава 8

«Зеленый шум»

Украина, Ровенищина. 15 мая 1942 года

После налета на Плоешти Судоплатов ожидал резкой активизации оккупационных войск, но так и не дождался. Единственной видимой реакцией стало появление в небе над Цуманскими и Сарненскими лесами парочки «Фокке-Вульф-189», прозванных «рамами» за двухбалочные фюзеляжи.

Покрутившись, они улетели, и тут же явились «лапотники» – кривокрылые пикировщики «Юнкерс-87». Завывая противными ревунами, они ложились на крыло и неслись вниз, словно желая разбиться, но выкручивались, сбрасывая бомбы.

Чего уж там разглядели пилоты с «рам», а только от бомбежки сильно пострадали две белки, лишившись уютного дупла – сосну расщепило взрывом.

Павел тут же решил сыграть на немецких страхах – выслав в разные стороны три расчета зениток «ахт-ахт». Как только в небе замаячили «рамы», зенитчики тотчас открыли огонь, сбив один из «фоккеров». Другой, хоть и подбитый, дотянул до аэродрома.

Вскоре опять возникли «лаптежники». Отбомбившись по пустынной чаще, далеко в стороне от партизанского становища, «Юнкерсы» решили удалиться с чувством исполненного долга.

Как бы не так – из-за леса вынырнули «Мессершмитты» с красными звездами на крыльях и задали «лаптежникам» трепку. Немецкие пилоты орали в эфире, призывая «камарадов» опомниться, – «свои» же! А им в ответ звучал отборный русский мат...

Из шести «Юнкерсов» смог уйти лишь один, да и тот не долетел до аэродрома – рухнул в лес. Летчик успел выпрыгнуть с парашютом, всю ночь пробирался по дебрям, сумев доложить о «продажных оборотнях» из люфтваффе, вылетающих на охоту с наклеенными звездами.

И вот уже девятка «Юнкерсов-88», в сопровождении группы истребителей, отправилась бомбить ни в чем не повинный лес почти в сотне километров от урочища Лопатень. Тяжелые бомбы ухали, валя и ломая деревья, вырывая глубокие воронки, перепахивая буераки и разбрызгивая тину на болотах.

«Юнкерсы» тут ждали – раз уж немцы уверились, будто они бомбят партизанское «логово», то почему бы им не подыграть? И все те же зенитчики открыли огонь из 88-миллиметровых немецких орудий, замечательных пушек, которые так здорово дырявили фюзеляжи и отрывали крылья «Юнкерсам-88».

Нумерология отдыхает.

Потеряв четыре бомбардировщика и пару «мессеров», гитлеровцы улетели, оставив в покое «партизанскую базу» – изрытое поле, где вповалку лежали ломаные деревья, и лишь считанные елки цеплялись кое-где за землю, словно вспаханную безумными трактористами.

Удушливый дым стелился над изувеченным лесом, а из взбаламученного болота торчали хвосты двух «Юнкерсов».

Больше фрицы налетов не устраивали, не травмировали белок. И дело было не только в том, что местное командование бодро отрапортовало в Берлин о разгроме партизан. Все обстояло куда хуже – ситуация на Донбассе являлась уже не просто тревожной, а угрожающей.

В Лозовой, Балаклее, Славянске шли ожесточенные бои. Еще никогда за всю войну не случалось столь массовых танковых сражений, да и господство люфтваффе в воздухе частенько оставалось под вопросом.

Порой случались дичайшие для прусских умов случаи. Так, 14 мая танковая бригада РККА ворвалась на немецкий аэродром. Пушками и гусеницами танкистам удалось уничтожить более сотни «Мессершмиттов», «Хейнкелей» и прочих «Фокке-Вульфов».

В то же самое время на полях сражений бесчинствовали штурмовики «Ил-2», прозванные пилотами люфтваффе «бетонными самолетами», – ничего их не брало, ни пули, ни снаряды. Тяжелые, бронированные «Ильюшины» проносились, как ангелы смерти, подвергая живую силу и технику расстрелу и бомбежке. И «горбатым», как прозвали штурмовики в ВВС РККА, вернули, наконец, стрелка, чтобы тот держал под прицелом заднюю полусферу. Теперь немцам уже нельзя было зайти малость неуклюжему «илу» в хвост. Нет, зайти-то можно было, а вот выйти – увы.

Истребители «Ла-5» сводили на нет все былые преимущества «Ме-109», а бомбардировщики «Ту-2» налетали тенью валькирий, перелопачивая окопы и дзоты.

В полной красе показали себя и без того прославленные «тридцатьчетверки». Их новые 76-миллиметровые пушки гвоздили «Т-III» и «Т-IV», а тяжелые «КВ» и вовсе казались непробиваемыми.

Рассылая убойные 107-миллиметровые снаряды⁹, «КВ» буквально разрывали немецкие танки, сами при этом оставаясь неуязвимыми.

Русские упорно продвигались, охватывая группировку немцев под Харьковом, невзирая на потери. Так ведь и 6-я армия Паулюса таяла, как вонючий снег по весне, удобряя украинские черноземы арийской кровью.

44-я, 76-я, 113-я пехотные дивизии перестали существовать в первые дни Харьковской операции. 16-я танковая дивизия, входившая ранее в состав 1-й танковой армии Клейста, укрепила собой 6-ю армию.

⁹ К сожалению, в нашей реальности 107-мм танковое орудие конструкции Грабина (ЗИС-6) было изготовлено в количестве всего шести штук, так и не пойдя в серию, хотя и было одобрено Сталиным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.